

Труды Зоологического института РАН
Том 318, № 4, 2014, с. 292–325

УДК 57(09) + 598.1

МОЯ БИОГРАФИЯ (ГЕРПЕТОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ)*

И.С. Даревский

Зоологический институт Российской академии наук, Университетская наб. 1, 199034 Санкт-Петербург, Россия

РЕЗЮМЕ

Приводится автобиография зоолога, эволюциониста и биогеографа Ильи Сергеевича Даревского (1924–2009), а также примечания и дополнения к ней.

Ключевые слова: автобиография, амфибии, герпетология, Даревский Илья Сергеевич, зоология, история науки, рептилии

MY BIOGRAPHY (HERPETOLOGY AND LIFE)*

I.S. Darevsky

Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb. 1, 199034 Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The autobiography of zoologist, evolutionist, expert in herpetology and biogeography, Ilya Sergeyevich Darevsky (1924–2009) together with notes and additions are provided.

Key words: autobiography, amphibians, herpetology, Darevsky Ilya Sergeevich, zoology, history of science, reptiles

Я родился и вырос на Украине и провел свои детские годы в районном городке Рокитно в Белоцерковском районе, где отец занимал какой-то важный пост на местном ликеро-водочном заводе. Каждое лето мы всей семьей, включая московских родственников отца, выезжали на отдых в небольшое село Синява на живописном берегу притока Днепра, полноводной реки Рось. Здесь я вел привольную жизнь, целыми днями пропадая в необозримых окрестных лесах и лугах в компании с деревенскими сверстниками и местными охотниками и рыбаками. Отец (возможно, в силу занимаемого им на заводе высокого служебного положения) пользовался большим авторитетом у местного мужского населения, где у него было много приятелей и настоящих друзей. Однажды я заблудился в лесу и лишь спустя несколько часов вышел к соседнему селу, и местный лесник, узнав, что я сын «самого Даревского» усадил меня с собой на лошадь и доставил в Синяву к сильно встревоженным родителям. Вспоминается еще один эпизод. Возвращаясь как-то пригородным поездом из Киева в Синяву, мы с мамой по ошибке сошли одной станцией раньше, и оказалось, что необходимый нам поезд отправится лишь на следующее утро. Узнав, кто мы такие, начальник станции дозвонился до отца и по его просьбе, несмотря на ночное время, отыскал для нас воз-

*Автобиография И.С. Даревского подготовлена к печати Н.Б. Ананьевой и И.В. Дорониным (см. Примечания и дополнения к автобиографии И.С. Даревского, с. 314).

*Autobiography of I.S. Darevsky was made ready for publication by N.B. Ananjeva and I.V. Doronin (see Comments and additions to the autobiography of I.S. Darevsky, p. 314).

ницу с телегой. Время в те годы на Украине было неспокойное, на дорогах «шалили», и кучер лишь после долгих уговоров согласился отвезти нас по лесной дороге в Синяву. Под стук колес я быстро уснул, лежа на мягком сене, и проснулся от громкого разговора возницы с окружившими телегу несколькими верховыми, которые грубо расспрашивали его о седоках и цели поездки. Узнав, что он везет в Синяву «жинку та сына Даревского», верховые дружески заулыбались и еще некоторое время весело нас сопровождали.

В начале тридцатых годов, в связи с предстоящим моим поступлением в школу, наша семья переехала в Киев, и свои школьные и юношеские годы, оставившие неизгладимый след в моей жизни, я провел в этом прекрасном городе на высоком берегу Днепра. Вскоре после переезда в город умер отец. В памяти сохранились грандиозные поминки с выпившими мужиками, устроенные прямо во дворе нашего киевского дома...

Почему я стал герпетологом? Почему из всех зоологических дисциплин я избрал своей специальностью именно герпетологию – науку о земноводных и пресмыкающихся животных? Многие люди в разное время задавали мне этот вопрос, и сейчас, на склоне лет, спрашивая себя об этом сам, я думаю, что первопричиной моей герпетологической привязанности стали книги и, прежде всего, превосходно изданный в переработке Франца Вернера двухтомный перевод «Земноводных и пресмыкающихся» из знаменитой серии «Жизнь животных» Альфреда Брема[1]. Хорошо помню, как в неполные четыре года, едва научившись читать, я клал на колени тяжелый бремовский том и, с замиранием сердца перелистывая его страницы, с головой уходил в мир неведомых мне удивительных ящериц, змей, крокодилов и черепах. Особенно впечатляли меня прекрасно выполненные рисунки и фотографии этих животных, само название которых поражало мое детское воображение, такие, например, как «узкорылый кайман», «иероглифовый питон» или же «коралловый аспид». Некоторые из них стали даже являться ко мне по ночам во сне.

Знакомство мое с земноводными и пресмыкающимися не ограничилось лишь теоретическим чтением Брема. Со своими деревенскими приятелями я часто уходил в луга или далеко в лес и приносил оттуда лягушек, тритонов, ящериц, ужей и водяных черепах, которых рассматривал и определял затем с помощью близкого знакомого нашей семьи – местного врача, увлекавшегося энтомологией и одобрявшего мое увлечение животными.

Вскоре у меня появилось еще одно интересное занятие. Для борьбы с сильно размножившимся в те годы свекловичным долгоносиком по окраинам полей выкапывали длинные ловчие канавки. Вместе с жуками в них регулярно проваливались различные земноводные, ящерицы, грызуны, землеройки и ежи. Я взял себе за правило обходить по утрам эти канавки, доставать упавших туда пленников и наиболее интересных из них приносить домой. Вспоминаю, что особенно часто я приносил ежей, некоторые из которых затем долго жили у нас на подворье.

О гадюках, которые в изобилии водились вокруг, теоретически я знал очень много. Усвоил, что они ядовиты и что укусы их опасны, особенно для детей. Все эти знания, однако, разом улетучились из моей головы, когда одним ярким апрельским утром на краю болота, в развале замшелого пня, я увидел несколько спокойно лежащих змей со знакомой зигзагообразной полосой на спине. Осторожно опустившись на колени, я медленно протянул руку и, положив ладошку на широкую спину одной из дремлющих гадюк, впервые в жизни ощутил знакомое каждому настоящему герпетологу неповторимое тепло напоенного солнцем сухого змеиного тела. Остальных подробностей я не помню, но семейная легенда гласит, что очень гордый и бледный я медленно вошел во двор с большой гадюкой, спокойно свернувшейся у меня на руке. Я переловил и передержал в руках с тех пор тысячи самых разных змей. Некоторые из них кусали меня, и я тяжело болел[2]. Большинство из этих встреч я успел позабыть, но первая детская встреча с гадюками ярким воспоминанием врезалась в мою память на всю жизнь....

Помимо многих других своих достопримечательностей, город Киев замечателен еще и тем, что центр и одна из живописнейших его городских окраин находятся в самой непосредственной близости друг от друга. Главная улица Киева – знаменитый Крещатик – одним концом упирается в обширный городской парк (бывший Дворянский сад), расположенный на пологих, а местами довольно крутых склонах, спускающихся к Днепру. Дом, в котором я жил на одной из центральных улиц, располагался прямо напротив одного из входов в парк и нужно ли говорить о том, что поч-

ти все свободное от школы время летом и зимой (на лыжах), мы со сверстниками проводили в парке или на обрывистых берегах Днепра. А сколько соблазнов таил для нас сам Киев с его широкими, в цветущих каштанах улицами, «Владимирской горкой», знаменитой Киево-Печерской лаврой, пляжем на Трухановом острове, замечательным цирком и многочисленными кинотеатрами, где мы по многу раз смотрели «Индийскую гробницу», «Знак Зорро», «Багдадского вора» и удивительные, проникающие в душу фильмы Чаплина – «Огни большого города» и «Новые времена»!

Рядом с нашим домом помещалась городская библиотека, и скоро, наряду с увлекавшими меня романами Жюля Верна, Александра Дюма, Майна Рида и Вальтер Скотта, я стал читать популярные книги и учебники по биологии. Помню, как с восторгом буквально проглотил только что переведенную на русский язык замечательную книгу Альфреда Уоллеса «Тропическая природа»[3]. После нее самой заветной моей мечтой стало побывать в тропиках и встретиться с описанными Уоллесом замечательными тропическими пресмыкающимися. Я с радостью обнаружил, что в городском саду встречаются мои старые знакомые – лягушки, жабы и прыткие ящерицы. Норки последних стали известны мне буквально наперечет, и обитатели их получили свои собственные имена. Выяснилось, что у этих ящериц существует своеобразное «брачное сожительство», при котором самец и самка на протяжении ряда лет живут вместе в одной норе. Это наблюдение стало моим первым небольшим герпетологическим открытием, и позднее я опубликовал его в журнале «Природа». В городском саду обитало множество разных птиц, и вскоре я повстречался с наблюдавшими их юными натуралистами – орнитологами. Именно они пригласили меня в городской кружок «юннатов», регулярно собиравшийся на занятия во «Дворце юных пионеров», которому было передано замечательное историческое здание киевской Филармонии.

Для меня наступила очень содержательная, богатая новыми впечатлениями жизнь, увы, почти не оставлявшая времени для регулярных занятий в школе, что очень огорчало моих родителей и имело свои печальные последствия. Кружком юных натуралистов руководил в то время удивительный многоопытный человек, краевед и школьный педагог Федор Михайлович Трескин[4]. Под его руководством кружковцы занимались сезонными наблюдениями за местной флорой и фауной, для чего совершали увлекательные экскурсии по окрестностям города, выступая затем с обязательными отчетами о проделанной работе. По совету Федора Михайловича я избрал объектом своих исследований прыткую ящерицу и написал на эту тему свою первую герпетологическую статью. Вероятно, видя мою увлеченность герпетологией, Федор Михайлович вскоре познакомил меня с профессором Института зоологии Украинской академии наук[5] Николаем Васильевичем Шарлеманем[6]. С этим человеком, сыгравшим в дальнейшем важную роль в моей жизни, несмотря на большую разницу лет, нас связали вскоре теплые, почти дружеские отношения, как учителя и ученика. По его совету я впервые прочитал знаменитое «Путешествие натуралиста на корабле «Бигль» Чарлза Дарвина. Книга произвела на меня огромное впечатление, и я окончательно понял, что зоология (и, прежде всего, герпетология) – это мое истинное призвание в жизни. Своими впечатлениями я поделился со школьной преподавательницей биологии и по ее просьбе сделал на очередном уроке в 5 классе заинтересовавший всех доклад о путешествии Дарвина. К сожалению, биология, география, история и литература были почти единственными школьными дисциплинами, по которым я действительно успевал. На остальные предметы, из-за интенсивных занятий в кружках и разъездах по окрестностям города, у меня просто не оставалось времени. В результате я остался в пятом классе на второй год и получил две летние переэкзаменовки.

Из других кружковцев в то время я особенно подружился с Леонидом Пржебыльским, с которым мы часто совершали экскурсии по ближним и дальним окрестностям города. Леня очень увлекался летучими мышами, и мы отлавливали их на зимовках в знаменитых пещерах Киево-Печерской лавры. В настоящее время эти пещеры электрифицированы и регулярно посещаются экскурсантами. В те же далекие годы «дальние» пещеры вообще были заперты, и попасть туда можно было лишь по специальному разрешению, получить которое было очень не просто. Мы с Леней нашли способ протискиваться под массивной, закрывающей вход чугунной решеткой и, вооружившись электрическими фонариками и свечами, многие часы проводили в пещерных ходах, отыскивая

зимующих в потолочных щелях зверьков, которые предназначались для коллекции Института зоологии.

Одна из наших подземных экскурсий едва не завершилась трагически. Желая отловить как можно больше мышей, мы в одиночку расходились по разным пещерным галереям с условием через определенное время встретиться у хорошо знакомой нам кельи, заполненной человеческими костями. В тот вечер я возвратился в условленное время первым и стал, как было условлено, ожидать возвращения Леонида. Потянулось томительное ожидание, длившееся более часа. Экономя свет, я выключил фонарик и в полной темноте стал периодически громко звать Леню по имени, но в ответ изредка раздавалось лишь характерное попискивание зимующих летучих мышей. Я понял, что дальнейшее ожидание не имеет смысла и, возвратившись ко входу в пещеры с зажженной свечой, стал двигаться по галерее, в которую, как я помнил, в начале экскурсии удалился Леня. Я был не на шутку встревожен и помню, как радостно забилось у меня сердце, когда в ответ на свои крики услышал его далекий голос, доносившийся, как мне показалось, откуда-то из-под земли. Выяснилось, что у Лени перегорела лампочка в фонарике и ощупью, в полной темноте пробираясь к выходу, он провалился в боковой колодец, откуда сумел выбраться лишь с помощью опущенного мною брючного ремня. Леня был на два года старше меня и, забегая вперед, скажу, что вскоре его зачислили лаборантом в штат Института зоологии, где он помогал талантливому зоологу Борису Михайловичу Попову[7] готовить книгу о летучих мышах Украины[8]. Оба были призваны в армию и погибли в самом начале войны.

Наступил день, когда для группы наиболее активных участников кружка руководство «Дворца пионеров» организовало двухнедельную экскурсию на Южный берег Крыма. Я заранее подготовился к поездке, прочитав по совету Н.В. Шарлеманя несколько статей жившего в Крыму профессора Александра Александровича Браунера[9], с которым позднее (во время его очередного приезда в Киев) познакомился и сам...

Вероятно, сотни людей писали или рассказывали о том, как впервые оказавшись в Крыму, они проезжали через Байдарские ворота и неожиданно перед ними открывался потрясающий вид на заблестевшую впереди беспредельную голубизну Черного моря. Наш автобус также остановился перед спуском на перевале, и, пробежав несколько шагов вперед, я неожиданно спугнул большую то ли змею, то ли ящерицу, сразу же исчезнувшую среди нагромождения камней. Времени отыскать или хотя бы подробнее рассмотреть ее у меня не было, и весь оставшийся путь я ломал себе голову, пытаясь понять, была ли это действительно змея или же внешне очень сходная с ней безногая ящерица – желтопузик[10]. Через пару дней, вняв моим просьбам, Федор Михайлович на попутной машине поднялся со мной к тому же месту на перевал, и здесь я, к величайшей своей радости, сразу же обнаружил и поймал замечательную крупную безногую ящерицу – желтопузика, который долго жил затем в Киеве, в нашей коммунальной квартире, к общему неудовольствию соседей, принимавших его за очень опасную змею.

Две недели в Крыму пролетели как один день. Я наблюдал и отловил несколько новых для меня ящериц и змей и по возвращении домой стал чувствовать себя настоящим герпетологом. Собранную мною в Крыму герпетологическую коллекцию решено было передать в Институт зоологии[11]. Личные встречи с Н.В. Шарлеманем были для меня особенно притягательны. Первое время мы встречались с ним на занятиях кружка в заставленном книгами кабинете, а позднее он стал приглашать меня к себе домой, благо жил неподалеку, на той же Владимирской улице, где и поныне находится Институт зоологии. Широко эрудированный зоолог, зоогеограф и краевед, он профессионально занимался также изучением «Слова о полку Игореве», в частности трактовкой упоминаемых там образов животных, в том числе и змей. По его мнению, напавший во время похода на Игоря «лютый зверь» был, по всей видимости, львом, ибо львы в то время действительно могли встречаться на юге Киевской Руси. Если не ошибаюсь, он первый обратил внимание на ошибочность фразы «Расплываться мыслью по древу», ибо следует говорить не «мыслью», а **«мысью»** – так на древнеславянском языке называлась белка. Он помнил «Слово о полку Игореве» наизусть и однажды в моем присутствии полностью продекламировал его на древнеславянском языке, отчего этот неповторимый эпос засверкал для меня совершенно новыми красками.

Круг наших бесед был очень широк, но доминировала в нем, конечно же, зоологическая

тематика и, прежде всего, – герпетологическая фауна Украины. В частности, Николай Васильевич предложил мне выяснить, встречается ли еще непосредственно в окрестностях Киева ближайшая родственница прыткой, внешне очень похожая на нее – зеленая ящерица[12], о чем имелись определенные упоминания в литературе. Вооружившись топографической картой, я квадрат за квадратом обследовал окрестности города, но всюду, к моему огорчению, попадалась лишь одна прыткая ящерица, ярко-зеленая окраска крупных самцов которой нередко приводила меня в заблуждение, и я ошибочно принимал их за настоящих зеленых. Кончилось это тем, что Николай Васильевич достал из коллекции и разложил передо мной на подносе серию самцов и самок каждого вида, показал, в чем их различия, а затем перемешал и предложил мне самому разделить тех и других. Разницу между зеленой и прыткой ящерицами я запомнил с тех пор навсегда. Зеленых ящериц в окрестностях Киева в то время найти не удалось, что, видимо, было связано с явлением периодической пульсации их ареала, лежащего южнее.

Особенно памятны мне наши совместные лодочные экскурсии по Днепру. Переправившись рано поутру на низкий левый берег реки, мы погружали в принадлежавшую Шарлеманю охотничью лодку необходимое для поездки снаряжение, включая двухместную палатку и, придерживаясь берега, направлялись вверх по течению: Николай Васильевич сидел на веслах, я же обыкновенно выполнял роль бредущего по берегу «бурлака». Первый наш бивуак мы располагали, как правило, за несколько километров от города, в устье левого притока Днепра – полноводной Десны. Места здесь в те далекие времена, когда не существовало еще Днепровского водохранилища, были изумительно хороши. Слева до горизонта уходили цветущие заливные луга, справа же в некотором отдалении через реку стоял выглядевший совершенно нетронутым густой смешанный лес. Уставшие за день, мы ставили палатку, разжигали костер и, забросив удочки, через недолгое время легко разживались несколькими крупными рыбинами на ужин. После захода солнца, подстелив одеяла, мы располагались около костра, и под неумолчный треск древесных лягушек[13], прерываемый вскриками ночных птиц, я долго еще слушал рассказы о живших в недалеком прошлом на Украине вымерших животных или же о предполагаемой личности гениального автора «Слова о полку Игореве». Рано утром, захватив ружье и бинокль, Николай Васильевич уходил в луга наблюдать птиц, а я, переплыв Десну, углублялся в лес в поисках живородящих ящериц, веретениц и особенно интересовавших меня, довольно редких в этих местах змей – медянок[14]. В назначенное время мы возвращались в лагерь, где делились собранными за день впечатлениями и рассматривали добытых животных. Особенно увлекательными были наши поездки на заливные луга в период весеннего половодья, когда прибывавшая вода оставляла незатопленными небольшие возвышенные островки суши, на которых часто сосредотачивалось множество разных животных. Помню, как однажды утром, сворачивая брезентовый пол палатки, мы обнаружили под ним около десятка спасающихся от воды кротов и землероек.

Штатного герпетолога в тот период в Институте зоологии не было, и его обязанности по совместительству выполнял доцент кафедры зоологии позвоночных Киевского университета Игорь Александрович Цемш, которому меня представил Н.В. Шарлемань. Это был талантливый молодой ученый, уже опубликовавший ко времени нашего знакомства несколько интересных работ по герпетофауне южных районов Украины[15]. Его, несомненно, ожидало большое будущее в науке, если бы не трагическая гибель на фронте в первые же месяцы наступившей вскоре войны. Игорь Александрович присматривался ко мне некоторое время, а затем пригласил к себе на кафедру в университет, где под его руководством я стал заниматься определением ящериц и змей из различных районов СССР, пользуясь украинским переводом краткого определителя, составленного П.В. Терентьевым и С.А. Черновым[16]. Мог ли я думать тогда, что спустя годы оба этих крупнейших отечественных герпетолога станут моими учителями, а затем и коллегами по совместной работе в Зоологическом институте Академии наук СССР в Ленинграде! Заведующий кафедрой зоологии Александр Порфирьевич Корнеев[17] выделил мне место за большим рабочим столом, познакомил с сотрудниками, и, регулярно посещая кафедру, я, будучи еще школьником, стал чувствовать себя здесь вскоре своим человеком. Определение пресмыкающихся на кафедре зоологии вскоре превратилось в мое любимое занятие. Я испытывал

необычное чувство гордости, когда совершенно неведомая мне до сего времени змея или ящерица буквально в моих руках неожиданно обретала свое истинное научное имя, которое (я знал это) навсегда сохранится теперь в моей памяти. Мне полюбился даже сам очень специфический запах заспиртованных герпетологических коллекций, любовь к которому я сохранил до сих пор. Когда спустя какое-то время Цемш учинил мне небольшой экзамен, я не допустил ни одной ошибки при определении всех предложенных мне представителей земноводных и пресмыкающихся, числящихся в то время в составе герпетофауны СССР.

Вскоре Игорь Александрович стал приглашать меня с собой на полевые экскурсии, и мы посетили, в частности, расположенное на левом берегу Днепра лесное болото «Быковня», славящееся обилием гадюк, ужей и живородящих ящериц. Несколько отловленных здесь гадюк я поселил в своем домашнем террариуме и вскоре убедился в том, что все они едят исключительно лягушек, отказываясь от своей обычной добычи – мелких грызунов. В то же время змеи из некоторых других мест, напротив, поедали только мышей, отказываясь от лягушек. По этому признаку я разделил изученных мною гадюк на «лягушатниц» и «мышатниц», что находится, видимо, в прямой зависимости от характера их местообитаний, изобилующих тем или иным видом добычи. Я сделал об этом сообщение в нашем кружке и написал небольшую статью, позднее опубликованную в журнале «Природа». На занятиях кружка присутствовал корреспондент московского журнала «Пионер», который предложил мне написать рассказ о ловле гадюк, и моя первая печатная публикация, таким образом, появилась на страницах этого журнала в 1938 г.

Между тем ситуация в кружке к этому времени круто изменилась. Федор Михайлович неожиданно исчез с нашего горизонта и, как я узнал об этом позднее, был арестован в 1937 г. в период так называемых «неоправданных репрессий». Правда, на территории парка был построен действительно очень хороший и просторный «павильон юных натуралистов», однако для многих из нас кружок сразу же потерял свою притягательность, которую обеспечивала ему незаурядная личность Федора Михайловича Трескина. Старый состав кружка постепенно распался, и некоторые его члены стали посещать кружок юннатов при Киевском зоопарке или же, как и я, стали ходить в Зоологический музей к Н.В. Шарлеманю.

В 1939 г. в силу известных политических событий к территории Украинской ССР были присоединены некоторые области Западной Украины, ранее входившие в состав Польши. В связи с представившейся возможностью Институт зоологии решил организовать небольшую экспедицию из четырех человек в Западную Украину для сбора коллекционного материала и прежде всего – отлова серии сусликов, необходимых для готовящейся книги о грызунах Украинской ССР. К моей большой радости Николай Васильевич предложил мне принять участие в экспедиции в качестве лаборанта при условии, что я научусь изготавливать музейные тушки сусликов и других грызунов. Университетский таксидермист довольно быстро обучил меня этой несложной, но требующей большой аккуратности работе, и вскоре я смог продемонстрировать несколько довольно прилично изготовленных тушек крыс и мышей. Было решено, что свободное от работы с грызунами время я смогу посвятить герпетологическим сборам.

В то далекое время в Тернопольской области Западной Украины еще сохранялись довольно крупные участки целинной степи, где мы с помощью местных жителей отыскали множество обитаемых сусличьих нор. Для поимки грызуна в нору заливали одно-два ведра воды из большой бочки, сопровождавшей нас на телеге. Рассерженный мокрый зверек обычно сразу же выскакивал на поверхность, и было лишь делом техники быстро, избегая острых резцов, схватить его рукой за шею позади головы. Намеченные планы отлова сусликов и приготовления музейных тушек заняли около 10 дней, и в оставшееся время я получил возможность почти полностью переключиться на ловлю земноводных и пресмыкающихся. Свободно владея украинским языком[18], я расспросил местных мальчишек, которые указали мне места, где они наиболее часто встречали змей и ящериц. Змеями оказались уже знакомые мне по крымской поездке водяные ужи[19], а ящерицы, к большой моей радости, были «настоящие зеленые», те самые, которых я в свое время безуспешно пытался отыскать под Киевом. Ловить их было не просто, и я не раз вспоминал при этом слова Брема, писавшего о зеленой ящерице, что «*движения ее удивительны, быстры и ловки, изящны и прелестны*».

Проездом во Львове мы посетили Львовский зоологический музей[20], где я познакомился с известным польским герпетологом Йозефом Байгером[21], знавшим русский язык, и у нас состоялся интересный герпетологический разговор без скидок на мой юношеский возраст. На прощание Байгер подарил мне (с авторским посвящением) недавно опубликованное в Кракове второе издание его определителя пресмыкающихся и земноводных Польши[22]. Эта ставшая сейчас раритетом книга, уцелевшая в годы войны, хранится сейчас в моей домашней библиотеке. Спустя много лет, побывав в Киеве, я посетил Музей зоологии и с невольным ностальгическим чувством наблюдал, как кто-то из приезжих специалистов измерял сделанные мною когда-то сусличьи тушки. По моем возвращении из экспедиции Николай Васильевич (с ведома И.А. Цемша) предложил мне фактически одному курировать богатую, но находящуюся в некотором беспорядке герпетологическую коллекцию Института зоологии. Я стал целыми днями пропадать в институте, что, как и следовало ожидать, далеко не лучшим образом стало сказываться на моих занятиях в школе.

Летом следующего года я по совету Николая Васильевича решил съездить на юг Украины и подробнее изучить распространение крымской ящерицы[23], незадолго до этого обнаруженной здесь И.А. Цемшем. Кроме того, мне хотелось отловить пока еще незнакомых мне в живом виде степных гадюк[24], желтобрюхих полозов[25] и разноцветных ящурок[26]. Николай Васильевич организовал мне двухнедельную командировку от института и, уложив свое нехитрое снаряжение в большой рюкзак, я доехал поездом до расположенного в низовьях реки Буг города Николаева. Длинный деревянный мост соединял в то время Николаев с селом Варваровка и, переходя на противоположный берег, я то и дело вспугивал греющихся на бортовых досках крупных речных черепах[27], которые с громким плеском соскальзывали в реку. Пытаясь поймать хотя бы одну из них, я сам с головой провалился в воду и не без труда выбрался обратно на мост, едва не утопив рюкзак со всем своим снаряжением...

В окрестностях Варваровки начиналась холмистая степь и, пройдя несколько километров, я встретил вскоре цель моей поездки – крымских ящериц, именно там, где их впервые обнаружил И.А. Цемш. Здесь же обитали и зеленые ящерицы, причем я наблюдал, как некоторые из них преследуют и поедают более мелких и не столь подвижных крымских. На следующий день в сопровождении сына хозяйки дома, у которой я остановился, я снова отправился в степь и вскоре обнаружил и отловил несколько степных гадюк и (к большой моей радости) – крупного желтобрюхого полоза. Он своим громким шипением и бросками с широко открытой пастью страшно испугал хозяйку, выставившую меня вместе со всеми змеями ночевать на душистый сеновал. По возвращении в Киев я получил давно ожидаемое мною письмо от Сергея Александровича Чернова[28], заведовавшего в то время герпетологическим отделением Зоологического института АН СССР в Ленинграде. Сергей Александрович подробно интересовался моими делами и выражал опасение, как бы чрезмерное увлечение наукой не повредило моей успешной учебе в школе.

Много лет спустя, разбирая архив своего покойного учителя, я обнаружил там несколько писем своей матери, которая сообщала Сергею Александровичу, что мое увлечение «гадами» очень негативно отражается на школьной учебе, и просила его повлиять на меня должным образом[29]. Влияние последовало незамедлительно. Сергей Александрович предложил мне временно вообще отказаться от занятий герпетологией и приложить все усилия для успешного окончания школы и дальнейшего поступления в Киевский университет. Я дал ему письменное обещание внимательней относиться к школе и старался выполнить свое обещание, что давалось мне очень нелегко. К большой своей радости я получил из Ленинграда также второе расширенное издание «Определителя земноводных и пресмыкающихся СССР»[30] с дарственной надписью от авторов. Книга эта, зачитанная буквально до дыр, чудом прошла через огонь войны и до сего его дня хранится в моей домашней библиотеке.

Странно сказать, но в свои киевские школьные годы я совершенно не задумывался о причинах явного расположения ко мне со стороны Ф.М. Трескина, Н.В. Шарлеманя, И.А. Цемша, А.П. Корнеева и других окружающих меня старших коллег и учителей, воспринимая это как должное. Лишь много лет спустя, обзаведясь многочисленными собственными учениками, я понял, что выбирал и ценил их, прежде всего, за большую увлеченность, любовь и беззаветную преданность выбранному

делу. Видимо, именно такие качества смогли угадать во мне мои первые киевские наставники и учителя.

Мои постоянные разъезды и покупка интересующих меня книг требовали денег, а мы с мамой после смерти отца существовали лишь на ее сравнительно небольшую зарплату. Я стал немного подрабатывать ловлей лягушек, необходимых для студенческих занятий, а позднее поступил в Городскую малярийную станцию на должность бонификатора. Мои несложные обязанности заключались в обследовании городских и пригородных водоемов на предмет выявления в них личинок кровососущих комаров и, прежде всего, передающих малярию представителей рода Анофелес[31]. Работа эта мне нравилась, и, главное, я легко мог совмещать ее с герпетологическими наблюдениями в окрестностях города.

Наступил 1941 год. Как всегда, весной пышно зацвели киевские каштаны. Мы с Николаем Васильевичем съездили на Днепровский разлив и вечером, у затухающего костра, он впервые заговорил со мной о политике и приближающейся войне с Германией. Я почти не интересовался тогда политикой, зная, что между нашими странами подписан договор о ненападении, и скорая война представлялась мне маловероятной. Газеты твердили о мире, а на экранах накануне с успехом прошел шапкозакидательский фильм «Если завтра война». Николай Васильевич, напротив, считал скорое наступление войны неизбежным и легко отметал все мои наивные возражения на этот счет.

В воскресенье 22 июня мы с Леней Пржебыльским отправились в ближайшие окрестности Киева – Пуща-Водица: я – в надежде найти там довольно редкую в этих местах неядовитую змею – медянку, а он – достать из известного ему дупла несколько летучих мышей. Мы занимались своими делами, когда услышали вдруг необычно громкий самолетный гул, и над нашими головами в сторону Киева очень низко пронеслась эскадрилья немецких бомбардировщиков с хорошо видимыми свастиками на крыльях. Началась война, сразу же круто переменившая всю нашу последующую жизнь. Мои старшие сверстники уже на следующий день стали получать повестки в военкоматы, а всех киевских допризывников, дабы сохранить их как потенциальных солдат, решено было эвакуировать поначалу на восток Украины. Где-то в начале июля повестку об обязательной эвакуации вручили и мне. Я поспешил в Институт зоологии и трогательно распрощался с Николаем Васильевичем Шарлеманем и другими сотрудниками, не подозревая, что со многими из них вижусь в последний раз. Игоря Александровича Цемша я на кафедре уже не застал.

Простившись с матерью, которой вместе с ее учреждением также вскоре предстояло эвакуироваться на восток, я с небольшим чемоданом и рюкзаком с несколькими книгами поспешил на сборный пункт, где формировались колонны допризывников для пешеходного следования из города. Колонна наша, провожаемая некоторое время родственниками и друзьями, спустилась к Днепру и далее по знаменитому цепному мосту мы переправились на левый берег. Настроение у большинства было подавленное. Мы отправлялись навстречу неизвестности, оставляя позади прекрасный город своего детства – Киев. Многим ли из нас суждено будет возвратиться когда-либо назад, к берегам Днепра?

К вечеру нас погрузили в товарные вагоны, и через день пути мы прибыли в конечный пункт назначения – небольшой город Артемовск в Ворошиловградской области, на юго-востоке Украины. Первое время ничто здесь не говорило о войне, и не верилось, что когда-либо она вообще сможет докатиться и до этих мест. Нашу группу из 20 человек поселили в просторном бараке одного из местных совхозов и предложили каждому по выбору заняться какой-либо полезной сельскохозяйственной деятельностью. Без лишних раздумий я согласился пасти небольшое совхозное стадо, благо пастушью работу разделяли со мной две смешливые черноглазые девушки-хохлушки. Дойку коров проводили здесь же на пастбище, и всякий раз я с удовольствием выпивал большую кружку пахнущего травами теплого парного молока. Через несколько дней, по договоренности со своими пастушками, я стал оставлять стадо под их присмотром и отправлялся обследовать близлежащие участки целинной степи и овраги на предмет возможной встречи с обитающими там видами пресмыкающихся. Из литературы я знал, что Донецкий бассейн, в пределах которого мы находились, относится к числу наименее изученных в герпетологическом отношении районов Украины, и не без основания надеялся своими наблюдениями каким-то образом восполнить этот пробел. Интуиция не обманула меня. В один из дней на

берегу реки Бахмут я отловил неизвестную мне змею, которая при ближайшем рассмотрении отказалась четырехполосым полозом[32] – видом, до этого времени на Украине практически неизвестном и встречающимся в основном на юге и юго-востоке России. Первым делом я постарался успокоить обеих девушек, которые при виде принесенной змеи бросились наутек, и угомонились лишь после того, как я наглядно, позволив полозу больно (до крови) себя укусить, объяснил им, что змея не ядовита. Находка эта представляла определенный научный интерес, и ее следовало сохранить для передачи в какой-либо зоологический музей. Я раздобыл у совхозного фельдшера эфир и, усыпив змею, с нужной этикеткой заспиртовал ее в банке с денатуратом. О дальнейшей судьбе этой моей находки, хранящейся сейчас в коллекции Зоомузея Московского университета, я расскажу позднее.

Между тем война все более давала о себе знать. Из магазинов стали исчезать продукты, хлеб отпускали только по карточкам, и, в довершение всего, местное совхозное начальство предложило нам самим позаботиться о своей дальнейшей судьбе. С фронта приходили неутешительные вести, и с несколькими патриотически настроенными киевлянами я обратился в военкомат с просьбой о добровольном зачислении в строй. Всем нам, однако, было предложено не торопить события и дожидаться законного призыва в армию. Наступила осень, близилась зима, теплой же одежды практически не было ни у кого. Поэтому с несколькими киевлянами я выехал в Харьков, где остановился у проживавшей там дальней маминой родственницы. Я знал, что в Харьковском университете работает крупнейший отечественный герпетолог, профессор Александр Михайлович Никольский[33] – автор нескольких капитальных монографий, которые еще в Киеве были проштудированы мною почти наизусть. Соблазн лично познакомиться со знаменитым ученым, недавно отметившим свое восьмидесятилетие, был слишком велик, тем более, что Николай Васильевич в одном из адресованных Никольскому киевских писем коротко упоминал обо мне. Невзирая на суматоху военного времени я, очень волнуясь, отправился по известному мне адресу. К сожалению, любезно принявшая меня дочь Александра Михайловича сообщила, что отец ее болен и посетителей не принимает. Лишь после войны я узнал, что Александр Михайлович, оставаясь в Харькове, умер в 1942 г.[34] в возрасте 84 лет.

В Харьковском военкомате мне порекомендовали обратиться в Ремесленное училище связи, которое готовилось к дальней эвакуации на восток. Другого выхода не было. В тот же день, написав нужное заявление, я был принят в состав этого училища, удостоившись широко распространенного в те годы полуофициального звания «ремесленник». Училище выдало мне отличавшее «ремесленников» фирменное (черного цвета) обмундирование, включая столь необходимые теплое белье и шинель. Выделенный для эвакуации училища товарный эшелон уже стоял на путях. С новыми товарищами я удобно устроился на широких нарах, и началась наша железнодорожная эпопея, длившаяся около двух недель.

Конечный пункт назначения для нас оставался тайной, и, насколько я сейчас помню, поначалу не был известен и сопровождавшему нас преподавательскому составу училища. Называли разные города, в том числе Алма-Ату и Ташкент, что особенно радовало меня, так как именно из Средней Азии происходили многие (уже известные мне по богатой университетской коллекции) виды ящериц и змей. Между тем, пропуская встречные воинские эшелоны, наш поезд медленно, с частыми остановками в пути, двигался на восток. Из школьного учебника географии я теоретически усвоил, что страна наша велика и занимает одну шестую часть света. Однако истинный смысл этой расхожей фразы я стал постигать лишь теперь, когда в широко раскрытые двери вагона перед нашими глазами, одна за другой, стали разворачиваться обширные панорамы природы, вначале южной и центральной России, затем Поволжья, Урала и под конец – Западной Сибири. Я перезнакомился со своими спутниками, некоторые из которых, как и я, оказались в училище чисто случайно. Длившаяся уже несколько месяцев война осталась далеко позади на западе. Все мы совершенно не сомневались в ее скором и победоносном для нашей страны окончании и сожалели, что, видимо, уже не успеем принять в ней участие. Глядя на проносившиеся мимо непрестанно меняющиеся пейзажи, я мысленно спрашивал себя, какие именно пресмыкающиеся и земноводные могут населять эти незнакомые мне места.

Не обходилось и без приключений. На небольшой промежуточной станции, не доезжая Сверд-

ловска[35], я выбежал за покупками на привокзальный базар и был отрезан от своего поезда внезапно появившимся и загородившим пути длинным воинским эшелоном. Я попытался, как мы делали это в таких случаях неоднократно, пролезть под колесами, но эшелон внезапно сдвинулся с места, и, когда он прогрохотал мимо, товарного состава с нашим училищем позади него уже не оказалось. К счастью, я был тепло одет, а документы и некоторая сумма денег были со мной. Необходимо было догонять своих, и делать это как можно скорее, пока прямая железнодорожная магистраль за Уралом не разделится на две, после чего разыскать наше училище я смог бы разве только случайно. Составы дальнего следования здесь не останавливались, ближайший же местный поезд ожидался лишь на следующее утро. Благо, что один из стоявших на путях паровозов стал разводить пары, и суровый на вид пожилой машинист, выслушав мою историю, согласился подкинуть меня до ближайшей узловой станции, откуда, по его словам, до Свердловска будет «совсем уже близко». Действительно, сменив по дороге два попутных пассажирских состава, к утру следующего дня я прибыл в Свердловск, как выяснилось, на несколько часов опередив задержавшийся где-то в пути и простоявший ночь на боковых путях наш эшелон с училищем. Велики были изумление и радость моих товарищей и собравшихся преподавателей, когда я, живой и невредимый, предстал перед ними на перроне вокзала. Дело в том, что за первые несколько дней от эшелона уже отстали и потерялись где-то на дорогах войны, как минимум, два наших «ремесленника».

Из Свердловска эшелон продолжил дальнейший путь на восток, и не оставлявшая меня слабая надежда на то, что мы повернем к югу, в сторону Казахстана и Средней Азии, рухнула окончательно. Еще через три дня пути поезд прибыл в Новосибирск, и здесь выяснилось, что конечный пункт нашего назначения – столица Алтайского края, город Барнаул, где для нас было выделено просторное общежитие одного из местных оборонных заводов. Официально училище готовило гражданских специалистов в области радио и телефонной связи, но война внесла свои коррективы, и после первых же теоретических занятий стало ясно, что большинству из нас уготовано будущее военных связистов. К весне 1942 г. мы уже вполне удовлетворительно разбирались в устройстве многих типов войсковой радио- и телефонной аппаратуры.

Положение на фронтах было тяжелое. Немцы, оправившись после поражения под Москвой, продолжили успешное наступление вглубь страны, и большинству из нас не терпелось как можно быстрее попасть на фронт и применить полученные знания на практике. Но так как мы все еще оставались «допризывниками», городские власти решили временно использовать училище как рабочую силу в сельском хозяйстве, и два летних месяца 1942 г. мы провели в одном из совхозов, в предгорных лесах на юге Алтайского края. Нужно ли говорить, что я был сразу же покорен величием и мощью сибирской природы, столь не похожей на хорошо знакомое мне с детства, более скромное, родное украинское Полесье. Приятной неожиданностью стала для меня встреча на Алтае со своими старыми украинскими знакомцами – обыкновенной гадюкой и живородящей и прыткой ящерицами. Из литературы и киевских бесед с Н.В. Шарлеманем я уже имел некоторые представления о зоогеографии и географической изменчивости пресмыкающихся, но встреча этих животных на расстоянии почти четырех тысяч километров от мест, где я впервые повстречал их на Украине, сильно поразили мое воображение, тем более, что по своему внешнему виду некоторые алтайские экземпляры ящериц и гадюк заметно отличались от своих украинских собратьев. Однако времени для серьезных герпетологических раздумий у меня не было.

Положение на фронтах продолжало ухудшаться, и по возвращении в Барнаул я с несколькими товарищами по училищу обратился в военкомат с просьбой о зачислении в действующую армию. На этот раз просьба наша была услышана, и вскоре мы получили предписание явиться для прохождения службы в пехотное училище сибирского города Кемерово. Учеба здесь по нормам военного времени была рассчитана всего на три месяца и проводилась в полном соответствии со знаменитым суворовским правилом: «Тяжело в учении – легко в бою». В суровые сибирские морозы полевые занятия проводили при любой погоде, и ежедневно мы часами простаивали на стрельбище или на плацу, теоретически отрабатывая «тактику боя на открытой местности», или совершали стремительные марш-броски «в тыл врага» по пересеченной местности.

Накануне нового 1943 г. под погрузку был подан воинский эшелон, и спустя неделю наша курсантская рота в полном вооружении высадилась в заснеженном прифронтовом лесу и заняла боевые позиции в районе города Смоленска. Началась моя фронтовая жизнь, завершившаяся спустя два с половиной года в победном 1945. Я был призван воевать рядовым, дослужился до лейтенанта – командира взвода связи, был дважды ранен в боях[36], получал боевые награды, длительное время лечился в госпиталях и только чудом сохранил жизнь (Рис. 1). Я встречался на фронте с геройством и отвагой, трусостью и предательством, подлостью и обманом, и смог на собственном опыте убедиться, что война срывает все маски и беспощадно обнажает истинные лица захваченных ее орбитой людей. Страшнее войны на свете действительно ничего нет!

Разумеется, во время войны мне было не до герпетологических занятий, но я твердо верил, что, если останусь жив, то обязательно буду заниматься любимым делом. Случалось, что герпетология и сама напоминала мне о своем существовании. Так, выкапывая зимой блиндаж, солдаты выбросили на снег клубок вяло извивающихся полусонных гадюк, которых своим вмешательством я спас от истребления. В небольшом немецком городке наш взвод поселился в здании местной гимназии, где в биологическом кабинете сохранилась довольно приличная коллекция заспиртованных пресмыкающихся. Вспоминаю, с какой ностальгией я, к изумлению своих подчиненных, стал подробно рассматривать этих неожиданно оказавшихся у меня в руках ящериц и змей. Суровые тяготы войны очень скрашивали для меня встречи со многими интересными людьми и завязавшаяся с некоторыми из них настоящая фронтовая дружба, значение которой в боевых условиях трудно переоценить. Пережил я на фронте и свою первую юношескую любовь...

После освобождения Киева от оккупации я сразу же отправил полевой почтой письмо Н.В. Шарлеманю и вскоре получил от него подробный, обрадовавший и в то же время очень опечаливший меня ответ. В частности, я узнал о гибели на фронте И.А. Цемша и пожаре в Киевском университете, полностью уничтожившем один из крупнейших в стране знаменитый университетский Зоологический музей. Стали регулярно приходить письма от матери, которая к этому

Рис. 1. Младший лейтенант И.С. Даревский. 30 июля 1945 г.
Fig. 1. Second Lieutenant I.S. Darevsky. 30.07.1945.

времени перебралась в Москву, в квартиру своего брата, служившего во флоте и демобилизованного в начале войны после тяжелого ранения. Вскоре возобновилась связь и с С.А. Черновым, возвратившимся в Ленинград вместе с Зоологическим институтом из эвакуации в Таджикистан[37].

День Победы застал меня в полевом госпитале города Кенигсберга[38], где я долечивался после осколочного ранения в ногу. После выздоровления я был направлен в офицерский запасной полк и в начале августа получил на руки долгожданный приказ о своей демобилизации из армии. Мои первоначальные планы, связанные с возвращением в Киев, пришлось круто переменить. Наша киевская квартира была полностью разрушена, а, главное, мама переехала в Москву, где проживали также наши родственники со стороны отца. Так получи-

лось, что в возрасте 21 года, жарким августовским днем, в новой офицерской форме, обремененный лишь небольшим трофейным чемоданом, я вышел из поезда в Москве на Белорусском вокзале и попал в объятия плачущей матери и нескольких радостно улыбающихся родственников. Первейшей своей задачей в столице я видел поступление на биологический факультет Московского университета, однако для этого требовалось иметь отсутствующий у меня школьный «аттестат зрелости», и потому осуществить свое намерение я смог лишь два года спустя, только в 1948 г.

Демобилизованным офицерам выдавали на руки довольно значительную сумму денег. Кроме того, они могли пользоваться талонами на 50% скидку при питании в ресторанах, поэтому первое время я мог, не заботясь о «хлебе насущном», просто отдыхать от войны: знакомился с Москвой и ее окрестностями, посещал театры и кино, встречался с девушками, проводил вечера в компаниях молодежи, среди которой превалировали бывшие фронтовики, в частности и некоторые мои однополчане. Неоднократно приходил я в Зоологический музей университета, подолгу простаивая перед его герпетологическими витринами, и много времени проводил в террариуме Московского зоопарка, славящегося богатой живой коллекцией экзотических пресмыкающихся и земноводных. Террариумом заведовал в то время Виктор Веницианович Черномордиков[39], талантливый зоолог-экспериментатор и очень сложный (чтобы не сказать – странный) по характеру человек. Знакомство мое с ним и наши последующие беседы завершились тем, что вскоре он пригласил меня на работу в качестве служителя террариума.....

Между тем переписка моя с Н.В. Шарлеманем регулярно продолжалась, и настал день, когда весной 1946 г. я вошел в вагон скорого поезда, отправляющегося в город моего детства и юности – Киев. Неопытным семнадцатилетним мальчишкой, не ведая, что ждет меня впереди, покидал я родной город четыре года назад, и возвращался сейчас совершенно другим, умудренным жизненным опытом и войной человеком. Сильно волнуясь, вышел я на перрон Киевского вокзала и, не скрывая подступивших слез, крепко обнял пришедшего встретить меня первого своего наставника и учителя. Николай Васильевич все годы войны оставался в Киеве, и в значительной мере благодаря его стараниям была сохранена целостность уникальной экспозиции Зоологического музея Академии наук, которую немцы планировали частично вывезти в Германию. Соответствующие наши органы огульно пытались обвинить его в сотрудничестве с оккупантами, он был арестован, но после недолгого разбирательства полностью реабилитирован и продолжил работу в Зоологическом институте. Большинство моих дворовых и школьных приятелей были «выкошены» войной, но из армии возвратились некоторые бывшие киевские «юннаты», ставшие впоследствии известными украинскими зоологами. Радостной была наша встреча после лихолетья войны на с детства знакомом обрывистом берегу Днепра!

Возвратившись в Москву после месячного пребывания в Киеве, я получил письмо от Сергея Александровича Чернова с приглашением приехать к нему в Ленинград. Сколько лет, еще в Киеве мальчишкой и затем во все страшное время войны, мечтал я об этой поездке! И вот наконец пришел день, когда я с волнением впервые отворил дверь знаменитого Зоологического института на стрелке Василевского острова. Сергей Александрович встретил меня в своем кабинете в присутствии его докторанта Льва Исааковича Хозацкого[40], который, как я узнал, давно уже был в курсе нашей с Черновым многолетней переписки. Всевозможным расспросам Сергея Александровича и моим ответным рассказам не было конца, и наша первая встреча, начавшаяся в институте в полдень, завершилась лишь поздно вечером у него дома, где я познакомился с его обаятельной супругой, ихтиологом Гаяной Христофоровной Шапошниковой[41]. Несколько следующих дней я провел в герпетологическом отделении за просмотром коллекций и знакомством с литературой в знаменитой институтской библиотеке. При нашей заключительной беседе было решено, что я приложу максимум усилий для получения аттестата зрелости и поступления в Московский университет.

Для начала я решил принять предложение Виктора Веницианович Черномордникова и поступил на работу служителем в террариум Московского зоопарка. В обязанности мои входило регулярное кормление и уборка помещений многочисленных обитателей террариума, с большинством из которых я в живом виде встретился впервые. Незадолго до этого с моим предшественником случилось несчастье – он погиб от неосто-

рожного обращения с очень опасной африканской гадюкой, и заведующий настрого запретил мне брать в руки любых ядовитых змей. Я стал возражать и думаю, что именно этот эпизод положил начало возникшим впоследствии между Виктором Венициановичем и мною более серьезным разногласиям. Работа в террариуме доставляла мне большое удовлетворение. На моем попечении находилось более пятисот различных видов ящериц, змей, крокодилов и черепах, которым я отдавал все свое (как рабочее, так и свободное от работы) время. Что касается ядовитых змей, то в нарушение строгого запрета Черномордикова я обращался с ними довольно свободно, и однажды он застал меня в тот момент, когда я пересаживал из тесного помещения в более свободную вольеру крупную африканскую кобру. Не слушая моих объяснений, Виктор Венецианович при посетителях сделал мне резкое замечание, на что я, не сдержавшись, также возразил ему довольно резко. Отношения наши окончательно испортились, когда террариум неожиданно посетил прибывший из Ленинграда профессор П.В. Терентьев[42]. Приехав по делам в Москву, Павел Викторович выбрал время для встречи со мной, и между нами состоялся продолжительный разговор, что, видимо, не очень понравилось заглянувшему в помещение Черномордикову. В дальнейшем отношения наши с Виктором Венициановичем окончательно разладились, и зимой 1946 г., не без сожаления, я решил оставить работу в террариуме, чему немало способствовало также то обстоятельство, что я поступил в вечернюю школу рабочей молодежи для предстоящей сдачи экзаменов на столь необходимый мне аттестат зрелости.

Необходимо было все же устроиться на какую-либо работу, так как полученные при демобилизации деньги давно окончились, и фактически я оказался на полном иждивении матери. В Москве сохранялась карточная система, и получить продовольственные карточки можно было, лишь предъявив необходимую справку с места постоянной работы. Используя свою специальность военного связиста, я некоторое время подрабатывал на одной из московских телефонных станций, а затем с работой мне неожиданно повезло. После войны при многих научных учреждениях и исследовательских институтах Москвы существовала вооруженная охрана, в задачу которой входила проверка документов у посетителей, недопущение посторонних лиц и предотвращение возможных хищений. Оказалось, что в руководстве этого охранного ведомства служил мой фронтовой приятель, капитан в отставке, с которым мы воевали в одной части, а после ранения лечились в одном госпитале. Узнав о моих проблемах, он неожиданно предложил мне должность командира взвода вооруженной охраны (сокращенно – ВОХР) при Академии медицинских наук СССР. Я сразу же принял это столь необычное для меня предложение, так как, помимо приличной зарплаты, получал также удобное фирменное обмундирование и, главное, – мог довольно свободно располагать своим рабочим временем.

Мое рабочее место, как командира подчиненного мне взвода охраны, находилось в здании Президиума Академии медицинских наук, занимавшего заново отреставрированный прекрасный старинный особняк в центре Москвы, на Солянке. Я был представлен президенту Академии академику Саркисову и ряду сотрудников Президиума, которые, казалось, были заметно обескуражены моей молодостью, хотя я для солидности и надел китель со своими боевыми наградами. Учреждения Академии занимали несколько зданий в различных районах города, регулярно посещая которые по долгу службы я примелькался многим научным сотрудникам – медикам и физиологам, с некоторыми из которых у меня состоялись интересные знакомства.

Особенно памятны мне встречи с руководителем лаборатории экспериментальной физиологии по оживлению организма, находившейся на улице Куйбышева, неподалеку от Кремля, – академиком Владимиром Александровичем Неговским[43]. Работы, проводившиеся здесь, были строго засекречены, и охрана лаборатории соблюдалась особенно тщательно. Началось все с того, что для проведения некоторых опытов Неговскому потребовались крупные лягушки, которых в лаборатории не оказалось. Услышав об этом, я предложил свою помощь и, съездив в Звенигород, привез серию травяных[44], остромордых[45] и прудовых лягушек[46], передавая которых в лабораторию, перечислил их всех (неожиданно для академика) по латыни. В завязавшемся разговоре я рассказал ему о своем увлечении герпетологией, временной работе в охране и дальнейших планах поступления в университет. Позднее Владимир Александрович начал работать с черепахами, которые

заинтересовали его своей уникальной живучестью, и консультировался со мной по некоторым вопросам их биологии. Он разрешил мне также свободно пользоваться богатой лабораторной библиотекой, содержавшей не только медицинскую, но также разноязычную общебиологическую и зоологическую литературу.

Между тем наступил 1948 г., и мне стало ясно, что получить аттестат зрелости в текущем году, опираясь лишь на учебу в нерегулярно посещаемой вечерней школе, я не смогу, поэтому я поступил на открывшиеся платные курсы специальной подготовки к сдаче выпускных школьных экзаменов, завершив которые после пяти месяцев напряженной учебы, успешно выдержал все экзамены и получил, наконец, вожделенный аттестат. Сдав необходимые документы в приемную комиссию, я был допущен к вступительным экзаменам на биолого-почвенный факультет МГУ. Экзамены прошли успешно, и, получив новенький студенческий билет студента Московского университета, я с радостью сообщил об этом Николаю Васильевичу Шарлеманю и Сергею Александровичу Чернову, которые сразу же отозвались теплыми поздравительными телеграммами. Поздравили меня и на работе в лаборатории академика Неговского, где я давно считался своим человеком. Во время небольшого, организованного по этому поводу застолья Владимир Александрович заговорил со мной о прошедшей недавно августовской сессии ВАСХНИЛ, на которой с докладом «О положении в биологической науке» выступил академик Лысенко.

Я знал об этой сессии из газет, но событие это прошло в то время как-то мимо моего сознания, и негативное значение его для отечественной биологии я осознал лишь после разговора с Неговским. Прошедшая сессия затронула непосредственно и Московский университет, который Лысенко и его окружение не без основания рассматривали как основной рассадник «менделизма-морганизма». Деканом биологического факультета назначили главного идеолога Лысенко, академика Презента, по приказанию которого с факультета был отчислен ряд крупных ученых-биологов, не признававших так называемую «мичуринскую биологию». Обо всем этом, впрочем, я узнал значительно позднее, когда стал регулярно посещать занятия в университете. Началась моя незабываемая студенческая жизнь со всеми ее радостями, огорчениями и беспокойствами. Студенческий состав нашего курса, получившего название «мичуринского набора», оказался очень неоднородным. В основном это были вчерашние школьники, в большинстве своем на веру принявшие доклад Лысенко «О положении в биологической науке». Гораздо меньшую часть составили повидавшие жизнь демобилизованные фронтовики ......

Официально распределение студентов по кафедрам проводилось лишь на следующий год, а на нашем курсе уже в первые месяцы обучения определилась группа первокурсников, составившая позднее ядро кафедры зоологии позвоночных. Появились новые друзья и знакомства, а после защиты моей первой курсовой работы и нескольких сделанных на кафедре докладов у меня завязались теплые доверительные отношения со многими преподавателями факультета – профессорами Сергеем Ивановичем Огнёвым[47], Владимиром Георгиевичем Гептнером[48], Александром Николаевичем Формозовым[49], Борисом Степановичем Матвеевым[50], Георгием Петровичем Дементьевым[51] и рядом других замечательных ученых. Совершенно особенные отношения на первом курсе сложились у меня с ведущим московским герпетологом, доцентом Николаем Владимировичем Шибановым[52]. Ранее я знал его лишь как автора широко известного герпетологам знаменитого «Шибановского Брема» – посвященного рыбам, амфибиям и рептилиям третьего тома в изданном накануне войны пятитомнике «Жизнь животных по А.Э. Брему» под общей редакцией академика Ф.Н. Северцова. Герпетологические разделы этой превосходной книги были мастерски переработаны Н.В. Шибановым и включали в себя его многочисленные оригинальные наблюдения над пресмыкающимися, проводившимися в разное время, в основном в пустынях и горах Средней Азии. Я был к тому времени автором одной или двух довольно слабых герпетологических статей, опубликованных сразу после окончания войны в журнале «Природа», но написанных еще в предвоенные годы в Киеве. Это авторство сделало меня достаточно самонадеянным и помню, как в офицерском кителе без погон и с боевыми наградами, прихватив оттиски статей, я отправился на кафедру зоологии позвоночных, чтобы лично представиться Николаю Владимировичу. Знакомство наше действительно состоялось, но прошло не совсем так, как я мысленно себе его представлял.

Николай Владимирович встретил меня вежливо, но довольно сдержанно, поблагодарил за оттиски статей, сказав, что смотрел их в журналах, и дальнейший разговор повел так, что от моей былой самоуверенности не осталось и следа. Видя мою заинтересованность, он буквально обрушил на меня в разговоре поток свежей герпетологической информации и попутно предложил ряд интересных тем для исследований, некоторые из которых я со временем успешно реализовал.

На втором курсе, несмотря на разницу лет, меня уже связывали с Николаем Владимировичем доверительные дружеские отношения, длившиеся затем буквально до последних лет его жизни. Много друзей появилось у меня и среди студентов, как нашего, так и более старших курсов. Именно тогда, я сразу и на всю жизнь крепко подружился с будущими крупными орнитологами – Владимиром Флинтом[53], Рюриком Бёме[54], старшекурсником Борисом Вепринцевым[55] и аспирантом кафедры зоологии позвоночных Леонидом Петровичем Татариновым[56], ныне – академиком РАН. Вместе с Татариновым мы довольно часто посещали Н.В. Шибанова у него на дому. Если на факультете Николай Владимирович всегда был изыскано аккуратен, подчеркнуто вежлив и, по мнению многих, несколько педантичен, то в домашней обстановке, в своей холостяцкой квартире он неизменно принимал нас как полностью раскрепощенный гостеприимный хозяин. Договорившись заранее, мы с Леонидом Петровичем обычно посещали его по вечерам, прихватив с собой бутылку сухого вина и какую-либо легкую закуску, против чего Николай Владимирович не возражал, ибо собственного домашнего хозяйства, по моим наблюдениям никогда не вел, а довольствовался лишь приготовлением кофе или чая. Посещения у него на дому два – три раза в месяц стали для нас с Леонидом Петровичем своеобразной традицией. Если на факультете мы беседовали с ним в основном о науке и обсуждали различные университетские новости, то наши домашние разговоры неизменно касались политики, благо приход к власти Н.С. Хрущева с его фантастической идеей засеять почти всю страну кукурузой, неординарным поведением и высказываниями на политическом Олимпе, и главное – его упорная поддержка опротивевшего всем академика Лысенко, давали для этого поводов более чем достаточно. Николай Владимирович со свойственным ему юмором рассказывал о выступлениях Лысенко на биофаке и, в частности, о забавном публичном споре, возникшем однажды между Лысенко и профессором А.П. Кузякиным, по поводу того, кто первый из них, опровергая Дарвина, открыл прямое порождение одних видов растений и животных – другими. Много лет спустя мне вспомнился этот наш шуточный разговор, когда я выяснил, что именно А. Кузякин[57], не подозревая этого, сыграл роковую роль в преждевременном заболевании Сергея Александровича Чернова[58]!

Вскоре у меня завязались прочные знакомства со многими сотрудниками Зоологического музея и, прежде всего, с его директором, Сергеем Сергеевичем Туровым[59], который предложил мне курировать богатую, но порядком запущенную коллекцию земноводных и пресмыкающихся. По его предложению я впервые посетил Армению и другие республики Закавказья, где у него было много знакомых зоологов. Вскоре встал вопрос о коллекциях для строящегося нового здания университета. Н.В. Шибанов познакомил нас с каким-то фантастическим прейскурантом, составленным для приобретения различных земноводных и пресмыкающихся. Стоимость, например, одной прыткой ящерицы определялась в 25 рублей, а различных змей – доходила до 100 рублей и более. Студентам представилась возможность хорошо заработать, и Николай Владимирович предложил мне использовать каникулярное время для сбора герпетофауны Армении.

Армению я посетил впервые в 1950 г., и впечатления от этой поездки оказались столь велики, что фактически определили всю мою последующую научную жизнь. На втором курсе я оказался втянутым в интригу, связанную с соперничеством двух крупных факультетских ученых – профессоров Л.А. Зенкевича[60] и Н.В. Лебедева. Дело в том, что еще накануне войны по инициативе и под руководством заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных Льва Александровича Зенкевича для улучшения кормовой базы осетровых рыб из Азовского моря в Каспийское была проведена интродукция крупного морского червя (свободно живущей полихеты) из рода Нереис[61]. Интродукция оказалась успешной. Проведенные кафедрой после войны специальные исследования показали, что осетровые Каспия в значительной мере перешли на питание вселенными нереисами, что

привело к более быстрому росту рыб и некоторому увеличению их промысловой численности. Учитывая большое научное и важное народнохозяйственное значение проведенной Л.А. Зенкевичем и его коллективом работы, биофак выдвинул ее на соискание Сталинской премии за 1949 г. Однако официальный оппонент, профессор кафедры ихтиологии Николай Владимирович Лебедев написал резко отрицательный отзыв, в котором доказывал, что интродукция нереиса в Каспий была вредной, так как этот хищный червь истребляет бентос – мелких беспозвоночных, составляющих основную пищу осетровых рыб. В результате Сталинской премии Л.А. Зенкевич не получил. Для выяснения истины биологический факультет снарядил на Каспийское море комплексную экспедицию, в состав которой из студентов были включены Борис Николаевич Вепринцев и я.

Экспедиция стартовала из Астрахани, где более недели мы ожидали прибытия зафрахтованного рыболовного судна. Я с большой для себя пользой употребил это время для нескольких герпетологических экскурсий в окрестностях города, в частности для посещения так называемых Рын – песков, где познакомился с некоторыми обитающими здесь полупустынными видами пресмыкающихся, ранее известными мне лишь по коллекционному материалу. Незабываемое впечатление оставили непроходимые тростниковые заросли в дельте Волги, изобилующие лягушками и непривычно крупными обыкновенными и водяными ужами. Плаванье по северной акватории Каспия продолжалось около месяца. На разных глубинах забрасывая трал, мы выловили и вскрыли за это время несколько десятков осетров, желудки которых были наполнены съеденными нереисами, что со всей очевидностью свидетельствовало о целесообразности интродукции этого червя в акваторию Каспийского моря. Питались мы преимущественно осетриной и, соответственно, черной икрой, к которой у меня сохранилось затем отвращение на очень долгое время.

Перед возвращением в Астрахань, мы совершили кратковременный заход в Махач-Калу, где я впервые оказался в пределах Кавказа – горной физико-географической страны, сыгравшей в дальнейшем решающую роль во всей моей последующей жизни. Воспользовавшись стоянкой в порту, мы с Борисом Николаевичем совершили экскурсию на знаменитый песчаный бархан Сарыкум, расположенный неподалеку от Махач-Калы, где обитала большая изолированная популяция ушастых круглоголовок[62], которыми мы вдоволь полюбовались. Любопытно было видеть, как большинство этих крупных ящериц при встрече с нами, спасаясь бегством, быстро зарывались в сыпучий песок, тогда как некоторые, напротив, проявляли явное любопытство и при осторожном к ним приближении не пытались прятаться и даже позволяли погладить себя пальцами по спине. На совершенно сухой вершине бархана я, к своему удивлению, обнаружил двух крупных водяных ужей, которые явно целенаправленно держали путь к какому-то известному им окрестному водоему.

В Москву наша экспедиция возвратилась с полной уверенностью в правоте Зенкевича, однако время было упущено, и Сталинской премии за свою работу Лев Александрович, несмотря на блестяще сделанный им на собрании факультета доклад, не получил. Борис Вепринцев был на 4 года младше меня и ко времени нашего знакомства на кафедре был уже студентом 2 курса. Мы подружились с ним за время нашего плаванья по Каспию и об очень многом успели переговорить. Я пытался соблазнить его заняться герпетологией, но скоро понял, что зоологические интересы его гораздо более широки, что он и подтвердил в дальнейшем своими разносторонними биологическими исследованиями. Говоря о Борисе Николаевиче Вепринцеве, нельзя не вспомнить, что в 1951 г. он был арестован и осужден по стандартному нелепому обвинению в подготовке терактов против руководителей партии и правительства. В 1954 г. Борис получил полную реабилитацию и во время одной из наших последующих встреч доверительно рассказал мне, что при допросах его несколько раз расспрашивали обо мне и моих якобы «крамольных» разговорах среди студентов. Борис, разумеется, ничего рассказать не мог, но много позднее я узнал, что в партийном бюро факультета мне не могли простить нескольких выступлений на открытых партсобраниях, где я высказывался в защиту несправедливо исключенных из Университета трех студенток нашего курса, которые якобы «обособились от комсомола» и, собираясь на дому, читали стихи запрещенных в те мракобесные времена поэтов, в частности Гумилева[63].....

Накануне окончания университета я неожиданно получил заманчивое предложение участво-

вать в качестве научного консультанта на съемках научно-популярного кинофильма «Ядовитые змеи», задуманного на Московской киностудии режиссером Ноной Алексеевной Агаповой. Съемки должны были проводиться главным образом в Средней Азии, где я до этого никогда не был, что сразу же определило мое окончательное согласие. Съемочная группа обосновалась в Ашхабаде, и я получил возможность отловить не только необходимых нам ядовитых змей (гюрз и кобр), но и впервые познакомиться с самобытной герпетофауной пустыни Кара-Кум.

Университет я окончил в 1952 г. и, согласно существующей договоренности, должен был поступить в Зоологический институт АН СССР, в аспирантуру к С.А. Чернову. Однако Сергей Александрович заболел, планы мои пришлось изменить, и я в очередной раз поехал в Армению, где с радостью принял предложение директора Ереванского зоопарка Артовазда Арменовича Саркисяна поступить в качестве научного сотрудника в зоопарк. К этому времени я уже был «отравлен» Арменией, и мое пребывание в ней затянулось на целых 10 лет. Я стал сотрудником Института зоологии АН Армянской ССР (Рис. 2, 3) и поступил в заочную аспирантуру к Сергею Александровичу Чернову, под руководством которого написал диссертацию «Фауна пресмыкающихся Армении и ее зоогеографический анализ». Защита состоялась в 1957 г.

В 1962 г. я поступил на работу в Зоологический институт АН СССР, где, пребывая в разных должностях, продолжаю работать до сего времени. Однако я почти ежегодно на разные сроки посещал Армению, с которой меня связала судьба фактически на всю жизнь. Я полюбил эту страну, ее замечательную природу, ее людей с их многовековой историей, запечатленной в неповторимой красоты тысячелетних крепостях и храмах, пещерных городах и языческих святилищах. За многие годы я изъездил фактически всю страну, неоднократно посещая одни и те же места, и, расширяя постепенно круг своих исследований, обследовал в герпетологическом отношении соседние Грузию и Азербайджан и постепенно распространил свои исследования на весь Кавказ. Я познакомился со многими кавказскими зоологами, в частности коротко подружился с директорами Тбилисского и Бакинского академических зоологических институтов. В Ереване особенно ценным оказалось для меня знакомство с сотрудником Института зоологии, замечательным человеком, Сергеем Константиновичем Далем[64]. Сергей Константинович прожил в Армении много лет, объездил ее вдоль и поперек, и именно с ним я совершал свои первые экскурсии, поначалу в окрестностях города, а затем практически и по всей республике, фауну которой он, формально считаясь орнитологом, знал практически всю как никто другой, опубликовав на эту тему несколько десятков статей, обобщенных в первом томе его книги «Животный мир Армении»[65]. Одна из первых рекомендованных мне Далем поездок отличалась изобилием обитающих там видов змей на восточном склоне известной горы Арагац. Соседняя, но, увы, расположенная в пограничной Турции знаменитая гора Арарат была недоступна. Выйдя из палатки, я к величайшей своей радости увидел большую группу крупных, черного цвета с оранжевой зигзагообразной полосой вдоль спины, ранее знакомых мне лишь по литературе армянских гадюк[66]. Змеи спокойно позволяли себя фотографировать и осторожно трогать руками. Все было бы хорошо, но, испугавшись упавшего камешка, одна из змей неожиданно резко укусила меня за большой палец левой руки. Уходить нужно было обязательно, но я знал, что яд этой змеи, хотя и причиняет боль, действует не сразу, поэтому я позволил себе несколько минут полюбоваться горой Арарат, которая была погружена в туман в виде скрытого снежной пеленой блестящего острова. Вместе с посаженной в мешок гадюкой бегом устремился к находящейся неподалеку астрономической станции Бюракан, откуда президент Армянской академии наук Виктор Амазаспович Амбарцумян[67] на большой скорости отвез меня в больницу маленького городка Аштарак, где я поправился своими силами, без противозмеиных сывороток.

Сергей Константинович Даль показал мне в Армении, в частности, единственные в Закавказье так называемые Гораванские пески, на которых обитали когда-то замечательные ящерицы – такырные круглоголовки[68] (в настоящее время полностью исчезнувшие из-за сплошной распашки песков), а также ряд других интересных и богатых пустынной герпетофауной мест. В частности, Сергей Константинович познакомил меня с редкими фаунистическими комплексами на берегах высокогорного озера Севан. Переехав на время в Грузию, я познакомился с замечательным

Рис. 2. Г. Петерс, Л.В. Зимина и И.С. Даревский в ожидании автобуса Кировакан – Степанаван, Армения, 24 июня 1956 г.
Fig. 2. G. Peters, L.V. Zimina and I.S. Darevsky waiting for bus Kirovakan – Stepanavan, Armenia, 24.06.1956.

человеком – Валерианом Николаевичем Ростомбековым[69]. Занимая официальный пост заведующего кафедрой биологии Тбилисского сельскохозяйственного института, он все свое свободное время отдавал изучению герпетофауны и имел на дому превосходную для того времени библиотеку. Свое основное время он проводил в Музее Грузии, в котором хранилась очень богатая, но сильно запущенная зоологическая коллекция[70]. Встретив в музее, он отвел меня к себе домой, где мы принялись просматривать литературу. На следующий день мы совершили большую экскурсию по хорошо знакомым ему местам, собрав небольшую герпетологическую коллекцию.

Я появлялся в Тбилиси довольно часто, перезнакомился со многими кавказскими герпетологами, включая директоров знакомых зоологических институтов. Постепенно вокруг меня образовалась группа увлеченных герпетологией учеников, ставших впоследствии известными герпетологами. О некоторых низ них мне хотелось бы рассказать подробнее. В частности, мне много пришлось работать с нынешним заведующим кафедрой зоологии Ереванского университета – Феликсом Даниеловичем Даниеляном[71]. Будучи студентом, он сам разыскал меня на одном из горных перевалов, наблюдал за моей работой, а затем вызвался помогать. Я понял, что им руководит не

Рис. 3. И.С. Даревский (четвертый слева) с сотрудниками Института зоологии АН Армянской ССР. Справа от Даревского – сотрудник ЗИН, энтомолог Л.А. Жильцова. Ереван, Армения, середина 1950-х гг.

Fig. 3. I.S. Darevsky (the fourth at the left) with staff of the Institute of Zoology of Academy of Sciences of the Armenian SSR. To the right of Darevsky – the researcher of ZIN, the entomologist L.A. Zhiltsova. Yerevan, Armenia, mid 1950s.

простое любопытство, и предложил ему небольшую собственную тему, с которой он успешно справился. Началось наше сотрудничество, которое продолжается до сих пор. Мы с Феликсом объездили практически всю Армению, а также прилежащие районы Грузии и Азербайджана. Был случай, когда за один день мы дважды пересекали Большой Кавказский хребет. Кончилось это тем, что он так же, как и я, обе свои диссертационные работы посвятил скальным ящерицам.

Этим ящерицам все свое свободное время отдавал также мой любимый тбилисский ученик – Михаил Александрович Бакрадзе[72]. Слова «байкер» в то время, кажется, еще не существовало, но более замечательного мотоциклиста, каким был Миша, трудно себе представить. Иногда мы лишь чудом уцелевали, пересекая на его старой двухколесной машине очередное, казалось бы, непроходимое ущелье, в котором ловили животных. Большинство наших совместных исследований было посвящено изучению партеногенетических ящериц, и об этом мне хотелось бы рассказать подробнее.

Работая над своей первой диссертацией, я столкнулся с поразившим меня фактом полного отсутствия самцов у четырех из восьми встречающихся в Армении видов. Невольно у меня стало складываться фантастическое по тем временам предполо-

жение о существовании у этих видов неизвестного у пресмыкающихся явления естественного партеногенеза. Многие из коллег, с которыми я обсуждал этот вопрос, всячески старались меня переубедить, однако я стоял на своем и окончательно убедился в правильности своего предположения, когда в многочисленных инкубированных мною яйцах четырех исследуемых видов стали развиваться исключительно самки. Опираясь на этот совершенно бесспорный факт, я отослал в журнал «Доклады Академии наук» свою первую статью, которая по представлению академика Евгения Никаноровича Павловского[73] была опубликована в 1958 г. и вскоре переведена на английский язык. Я получил поздравительные письма от нескольких американских коллег, которые почти одновременно со мной установили отсутствие самцов у некоторых видов американских ящериц рода *Cnemidophorus*, но просто не решались эти данные опубликовать. Соответствующие их статьи появились в печати почти два года спустя.

Появление моей статьи стало первым звеном в длинном ряду соответствующих исследований, которые вместе с Феликсом Даниеляном и другими моими учениками продолжаются в Закавказье и в настоящее время. Свою докторскую диссертацию «Скальные ящерицы Кавказа» я начал писать еще в Армении. Ящерицы этой группы – наиболее обычные и широко распространенные животные горного Кавказа. На всем протяжении от гор Предкавказья и Дагестана до хребтов Закавказья и Талыша, от Черноморского побережья и до ледников Главного хребта едва ли отыщется ущелье, каменистая россыпь или группа скал, где не обитали бы эти ящерицы, повсеместно характеризующиеся высокой численностью и плотностью своих популяций[74].

Характерной особенностью скальных ящериц является их ярко выраженная полиморфность. В пределах своего обширного ареала, охватывающего, помимо Кавказа, также Горный Крым, Малую Азию и Северный Иран, они образуют многочисленные популяции и, так называемые, вариететы, объединявшиеся обычно под одним сборным названием *Lacerta saxicola*[75].

Разобраться во всем этот многообразии форм, отыскать надежные и стойкие критерии для их разграничения – вот задача, которая с давних пор привлекала к себе внимание многих отечественных и зарубежных специалистов. Трудно назвать хотя бы одного известного европейского герпетолога, который в той или иной мере не пытался бы справиться с этой задачей. Однако, несмотря на ряд специально предпринятых исследований, разобраться во внутривидовой структуре «*Lacerta saxicola*» оказалось далеко не просто. Очень скоро выяснилось, что дальнейшее накопление и без того обширного коллекционного материала не только не содействует решению задачи, но, напротив, все более и более усложняет ее. Стало очевидно, что выход из создавшегося положения заключается не в отыскании новых диагностических признаков, как полагали старые авторы, а в признании факта, что высокий полиморфизм скальных ящериц является нормальной формой существования вида, и, следовательно, обширный накопившийся коллекционный материал требует коренного пересмотра и ревизии с принципиально иных теоретических и (главное) методологических позиций. Многообразие внутривидовых форм скальных ящериц, служившее, казалось бы, непреодолимым препятствием для успешного построения системы, приобретает совершенно иное значение при оценке этого положения с позиций современной систематики, в основе которой лежит представление о политипическом виде, представляющем собою совокупность неоднородных, географически замещающих друг друга интерградирующих популяций. Сложность задачи еще более возросла в связи с моим открытием у некоторых скальных ящериц партеногенетического размножения и полиплоидии. Выяснилось, что партеногенетические самки и изредка встречающиеся в природе триплоидные особи по своей морфологии заметно отличаются от своих встречающихся рядом двуполых родственников. Стало очевидно, что, наряду с изучением морфологии ящериц, необходимо использовать и другие, самые современные методики, включая кариологические и биохимические методы исследований.

Так случилось, что изучением кариологии двуполых и партеногенетических видов успешно стала заниматься моя ученица, сотрудница Зоологического института АН Лариса Андреевна Куприянова[76], а для проведения молекулярных исследований мне с большим трудом, почти нелегально удалось пригласить из Филадельфии американского зоолога Томаса Аззелла[77], который с большим успехом занимался изучением двуполых и однополых (гиногенетических) видов саламандр

Рис. 4. И.С. Даревский во время экспедиции на Малых Зондских островах в Индонезии. Лето 1962 г.
Fig. 4. I.S. Darevsky during the expedition to the Lesser Sunda Islands in Indonesia. Summer 1962.

рода *Ambystoma*. Томас несколько раз приезжал в Ереван, и мы вместе с Феликсом совершили несколько поездок по Армении и Грузии, собрав фантастически интересный по своим результатам материал. Работа наша проводилась частично в пограничной с Турцией зоне, и несколько раз у нас происходили конфликты с пограничниками, принесшие мне много служебных неприятностей по возвращении в Ленинград. Однако дело было сделано, и в 1975 г. в знаменитом американском журнале «Copeia»[78] мы с Томасом опубликовали сенсационную статью, в которой методом изозимного анализа убедительно показали, что все четыре описанные к тому времени вида партеногенетических ящериц исходно образовались в результате естественной гибридизации между бисексуальными формами. Но это было только началом. Молекулярной систематикой скальных ящериц, применяя различные методы, стали заниматься многие другие специалисты, как в нашей стране, так и за рубежом. Особенно успешными оказались наши работы с приехавшим по моему приглашению в Армению много лет спустя канадским зоологом Робертом Мерфи[79], визиту которого предшествовала неудачная работа в Армении Орландо Куэллара[80].

Вскоре после поступления на работу в ЗИН я получил заманчивое приглашение принять участие в комплексной экспедиции в Индонезию с целью изучения биологии гигантского варана[81], обитающего в Малом Зондском архипелаге, главным образом на острове Комодо. Я с радостью

Рис. 5. С.А. Чернов, М.М. Голубятникова, И.С. Даревский и Л.Н. Лебединская. Отделение герпетологии (переселенное в музей на время ремонта). Ленинград, ноябрь 1959 г. (Фото Н.Е. Миккау).

Fig. 5. S.A. Chernov, M.M. Golubyatnikova, I.S. Darevsky and L.N. Lebedinskaya. The Department of Herpetology (moved to the Museum at the time of repair). Leningrad, 11.1959 (Photo by N.E. Mikkau).

согласился, однако реализовать в те годы свою первую зарубежную поездку оказалось далеко не просто. Необходимо было пройти специальное собеседование в Отделе науки ЦК КПСС и письменно ознакомиться с рядом подробных правил, регламентирующих поведение советского ученого за рубежом. В состав экспедиции, помимо меня, вошли палеонтолог Е.А. Малеев[82], ботаник С.Г. Сааков[83] и молодой таджикский герпетолог С.А. Саид-Алиев[84]. Любопытно, что кандидатура последнего была особенно рекомендована чиновником из Отдела Науки ЦК по причине того, что он был мусульманин, и его приезд в мусульманскую Индонезию должен был специально показать, что квалифицированные специалисты–герпетологи имеются и в нашей многонациональной стране!

Трехмесячное пребывание в Индонезии значило для меня очень много! Из литературы мне было известно о существовании гигантского индонезийского варана, однако совсем другое дело видеть и изучать это замечательное пресмыкающееся в природе. Я приехал с целью выяснения истинной численности на островах этого ценного реликтового животного, стоимость каждого из которых обходилась по тем временам Индонезийскому правительству почти в 800 долларов. С особого разрешения нам позволили вскрыть всего два экземпляра, что необходимо было для определения пола животных. Вспоминаю, с каким волнением я ожидал результатов вскрытия, боясь ошибиться и опозорить тем самым советского специалиста. Разумеется, оказавшись на тропическом острове, мы не ограничились изучением только варана, но стали наблюдать и коллекционировать других животных, среди которых действительно были обнаружены интересные и даже

новые для науки виды ящериц. Об эмоциональном воздействии тропиков на психику человека, особенно зоолога, я уже не говорю! Изобилие и богатство тропической природы навсегда остается в сознании, как встреча с чем-то невообразимо прекрасным (Рис. 4). Многочисленные учебники и книги по зоогеографии только подтверждают сказанное. Для меня это началось в глубоком детстве, после прочтения знаменитой книги Дарвина «Происхождение видов». Я поездил по всему свету, побывал в джунглях самых разных стран, но мои впечатления от этой замечательной книги останутся со мной навсегда!

Между тем из Ленинграда пришло очередное письмо Сергея Александровича Чернова, в котором он писал об ухудшении своего здоровья[85] и необходимости, в связи с этим, перехода на пенсию. Вместе с тем он просил меня ускорить свой приезд, как это было нами ранее оговорено, перед временным отъездом в Армению. Жаль, очень жаль мне было покидать эту полюбившуюся страну, но здравый смысл говорил о другом, тем более я понимал, что периодически буду вновь возвращаться по разным делам и в Армению, и в другие регионы Кавказа (Рис. 5).

Весной 1962 г. я сидел за столом директора Зоологического института Бориса Евсеевича Быховского[86] и писал заявление[87] о своем предстоящем поступлении на работу в ЗИН на должность младшего научного сотрудника[88]. Что же касается герпетологического отделения Института, то его практически не существовало. В состав его, кроме заболевшего Сергея Александровича, входила лаборантка Людмила Николаевна Лебединская[89] (проработавшая, кстати сказать, в институте более 50 лет) и изредка посещающий институт докторант Лев Исаакович Хозацкий. Нужно было начинать все сначала.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К АВТОБИОГРАФИИ И.С. ДАРЕВСКОГО

COMMENTS AND ADDITIONS TO THE AUTOBIOGRAPHY OF I.S. DAREVSKY

Свои воспоминания Илья Сергеевич Даревский начал составлять только в начале 2000-х гг. Этому отчасти поспособствовало его участие в написании очерка о Н.В. Шибанове для известной коллективной монографии «Московские герпетологи», вышедшей в 2003 г.

В плане датировок представленную читателю информацию можно считать достоверной: Даревский отличался превосходной памятью и наблюдательностью. Один из авторов этих строк (И.В. Доронин) смог в этом убедится в 2008 г., то есть незадолго до его смерти. В телефонном разговоре Даревскому сообщили, что в ходе экспедиции наших армянских коллег в районе Пушкинского перевала была найдена «новая» популяция луговой ящерицы (*Darevskia praticola*), на что был получен исчерпывающий ответ о личных наблюдениях Ильи Сергеевича за указанным видом в этом же месте в 1950-х годах (по памяти он назвал характер биотопа, примерные даты встреч и плотность населения).

К большому сожалению, эти воспоминания остались незавершенными: повествование буквально обрываются на 1962 г. – времени перехода Ильи Сергеевича на работу в Зоологический институт АН СССР. Тем не менее предшествующий период, охватывающий его детство, школьные годы в Киеве, Великую Отечественную войну, учебу в Московском государственном университете и работу в Армении, описан с достаточной полнотой. Более поздний «ЗИНовский» период предстоит реконструировать его ученикам и исследователям биографии и научных достижений И.С. Даревского. Частично это уже сделано на страницах данного выпуска журнала.

Воспоминания будут интересны не только нынешним сотрудникам ЗИН и людям, связанным с герпетологией, но и всем, кто неравнодушен к истории отечественной науки: ведь многие события и имена «действующих лиц» этого повествования знакомы очень широкому кругу людей.

Помимо примечаний к авторскому тексту Даревского, мы сочли полезным добавить и фотографии из архива отделения герпетологии ЗИН, а также копии документов, служащих иллюстрациями к воспоминаниям.

[1]Речь идет об издании «Брем А.Э. Жизнь животных. В 13-и томах» 1911–1916 гг.

[2]Так, во время съемок фильма «Ядовитые змеи» Даревский получил укус от смертельно опасной гюрзы.

[3]Книга Альфреда Рассела Уоллеса «Тропическая природа» была издана на русском языке в 1936 г., после чего неоднократно переиздавалась.

[4]Известно, что Федор Михайлович Трескин умер во время Великой Отечественной войны в Нижнем Тагиле от голода.

[5]Речь идет об Институте зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины, учрежденном в 1919 г.

[6]Шарлемань Николай Васильевич (1887–1970) – биолог, специализирующийся прежде всего на птицах. С 1921 по 1932 гг. – директор заповедника «Конча-Заспа». С 1946 г. работал в Управлении по делам охотничьего хозяйства, преподавал в Киевском лесохозяйственном институте.
Лит.: **Атемасова Т.А. и Кривицкий И.А. 1999.** Николай Васильевич Шарлемань. В кн.: Орнитологи Украины. Библиографический справочник. Вып. 1. Харьков: 51–52.

[7]Борис Михайлович Попов (1913–1942) – зоолог, ученик И.Г. Пидопличко. Один из авторов (посмертно) первого выпуска первого тома издания «Фауны Украины». Изучал фауну птиц и млекопитающих, питание сов, распространение редких видов млекопитающих, миграции животных. В 1936 г. был принят на должность младшего научного сотрудника в Зоологический музей Института зоологии АН УССР. Учился в Киевском государственном университете, работал над кандидатской диссертацией. В течение 1938–1939 гг. работал в заповеднике «Горис» Академии наук. С 1940 г. начал работать в отделе палеозоологии Института зоологии (ныне – отдел палеозоологии Национального научно-природоведческого музея). Погиб в боях на территории Луганской области.
Лит.: **Підоплічко І.Г. 1952.** Пам'яті Б.М. Попова (До 10-річчя з дня смерті). *Збірник праць Зоологічного музею*, **25**: 96–97.

[8]**Абелєнцев В.І. и Попов Б.М. 1956.** Ряд рукокрилі, або кажани – Chiroptera. Фауна України. Том 1: Ссавці, випуск 1. Видавництво АН УРСР, Київ: 229–446.

[9]Александр Александрович Браунер (1857–1941) – зоолог, специалист по позвоночным животным Причерноморья, издавший ряд статей, в том числе «Предварительное сообщение о пресмыкающихся и гадах Бессарабии, Херсонской губернии, Крыма и северо-западного Кавказа между Новороссийском и Адлером» (1903), «Предварительное сообщение о пресмыкающихся и земноводных Крыма, Кубанской области, Волынской и Варшавской губерний» (1905), о которых и пишет Даревский.

[10]*Pseudopus apodus* (Pallas, 1775).

[11]В настоящее время в коллекции Зоологического музея им. Н.Н. Щербака Национального научно-природоведческого музея НАН Украины хранятся следующие довоенные герпетологические сборы Ильи Сергеевича: № 1355 (10087-10088), № 2227 (15215-15216), *Zootoca vivipara*, Быковня, Киевская обл., Украина, 10.05.1940, coll. И.С. Даревский; № 2267 (15479, 15216), *Zootoca vivipara*, Быковня, Киевская обл., Украина, 12.04.1940, coll. И.С. Даревский, Пржебильский; 2293 (16180), *Lacerta agilis*, пос. Ждановский, Донецкая обл., Украина, 1935, coll. И.С Даревский; № 2482 (16486), *Lacerta agilis*, окр. г. Любеча, Черниговская обл., Украина, 03.08.1937, coll. И.С. Даревский.

[12]*Lacerta viridis* (Laurenti, 1768)

[13]«Древесная лягушка», или «древесница» – одно из народных названий квакши, *Hyla arborea* (Linnaeus, 1758).

[14]*Coronella austriaca* Laurenti, 1768.

[15]В библиотеке отделения герпетологии ЗИН хранятся оттиски следующих публикаций Цемша с авторскими надписями Даревскому: **Цемш І.О. 1937.** Герпетологічні замітки. *Збірник праць Зоологічного музею АН УРСР*, **20**: 95–102. **Цемш І.О. 1939.** До систематики та географічного поширення амфібій та рептилій на Україні. *Студентські наукові праці Київського державного Університету ім. Т.Г. Шевченка*, **4**: 103–107. **Цемш І.О. 1939.** До питання про значення Дніпра як зоогеографічної межі. *Труди Зоологічного музею*, **1**: 307–311. **Цемш І.О. 1941.** Герпетологічні замітки. V. Про західну межу поширення *Eremias argutа* (Pall.). VI. Чи правдиві відомості К.Ф. Кесслера про поширення *Lacerta viridis* на Україні. *Труди Зоологічного музею Київського державного Університету*, **1**: 310–321.

[16]**Терентьєв П.В. и Чернов С.А. 1937.** Стислий визначник земноводних і плазунів СРСР. «Радянська школа», Київ – Харків, 96 с.

[17]Александр Порфирьевич Корнеев (1903–1987) – зоолог, териолог. Работал научным директором Киевского зоопарка, вел кружок юннатов при зоопарке. В 1933 г. его выбрали доцентом

кафедры зоогеографии Киевского университета, а в 1938 г. назначили деканом биологического факультета. После Великой Отечественной войны работал заведующим кафедрой зоологии позвоночных.

Лит.: **Татаринов К.А. 1974.** Александр Порфирьевич Корнеев. *Вестник зоологии*, **2**: 83–84.

[18]Помимо украинского, Илья Сергеевич владел и английским языком, при этом разговорный язык он освоил в достаточно солидном возрасте – в конце 1960-х гг.

[19]*Natrix tessellata* (Laurenti, 1768).

[20]Подразумевается Львовский государственный природоведческий музей НАН Украины, основанный в 1870 г. графом Владимиром Дедушицким.

[21]Йозеф Байгер (Jan Aleksander Bayger) (1867–1958) – зоолог, герпетолог, учитель начальной школы. Во время школьных экскурсий собрал значительную герпетологическую коллекцию, которую передал во многие научные учреждения Европы, в том числе и Музей естественной истории в Лондоне (Британский музей). Автор известного определителя амфибий и рептилий Польши (издан в 1937 г.), который на протяжении многих лет был единственным подобным изданием в стране, а также ряда герпетологических работ, в том числе «Земноводные и пресмыкающиеся Галиции» (1909).

[22]**Bayger J.A. 1937.** Klucz do oznaczania Plazow i Gadow. Zeszyt II klucza do oznaczania zwierzat kregowych Polski. Druk W. L. Anczyca i spolki, Krakow, 93 s.

[23]*Podarcis tauricus* (Pallas, 1814).

[24]*Pelias renardi* Christoph, 1861.

[25]*Hierophis caspius* (Gmelin, 1789).

[26]*Eremias arguta* (Pallas, 1773).

[27]*Emys orbicularis* (Linnaeus, 1758). В настоящее время более распространенным русскоязычным названием для этого вида служит «болотная черепаха».

[28]Сергей Александрович Чернов (1903–1964) – биолог, герпетолог, второй заведующий отделением герпетологии Зоологического института АН СССР, сменивший на этом посту С.Ф. Царевского. Ученик А.М. Никольского, учитель И.С. Даревского. В 1940–1960 гг. ведущий специалист в СССР по изучению пресмыкающихся. В честь его Даревский описал из Армении новый вид гологлаза *Ablepharus chernovi* Darevsky, 1953.

Лит.: **Ananjeva N.B. 2005.** History and Anniversary Dates of Russian Herpetology in St. Petersburg. Herpetologia Petropolitana. In: Proceeding 12th Ordinary general meeting Societas Europaea Herpetologica, 12–16 August 2003, St. Petersburg, Russia, St. Petersburg: 5–10.

[29]В архиве отделения герпетологии ЗИН и сейчас хранится машинописное письмо от матери И.С. Даревского (Софьи Львовны Даревской) С.А. Чернову (на 3 страницах). Ниже мы приводим его полное содержание:

«г. Киев, 1 февраля 1940 г.

Уважаемый Сергей Александрович,

Это письмо пишет Вам мать натуралиста – Ильюши ДАРЕВСКОГО, у которого с вами завязалась переписка по поводу его работы над рептилиями.

По тому, с каким нетерпением Ильюша ждал Ваше первое письмо и из его разговоров о Вас, я заключаю, что он именно с Вами считается, и потому, я думаю, Вы смогли бы оказать на него большое влияние и помочь мне – матери его – в вопросе, в котором я, к сожалению, никак не могу на него влиять.

Вот почему я решила Вам написать и заранее прошу простить за беспокойство, причиненное моим письмом, так как отнимаю Ваше время.

Вопрос идет об учебе Ильюши в школе и его отношении к ней. Между Ильюшей и школой стоят его гады, и на почве его увлечения ими и изучения их у меня происходят с ним постоянные трения, так как эти гады являются, главным образом, причиной его неуспехов все годы в школе, и потому с этой стороны они – большое зло в его жизни.

Ильюше почти 16 лет, он всего лишь в VII классе. Его ученье в школе с 1-го класса – это миллион терзаний. За все годы его пребывания в школе я не знаю случая его нормального перехода в следующий класс: или он сидит по два года, или я заставляла его делать осенью передержки.

Настоящая трагедия начинается между мною и Ильюшей особенно весною, так как в разгаре экзаменов, когда все дети обычно заостряют свое внимание на школе, у моего Ильюши начинается «ящеричный сезон», и он, вместо подготовки к экзаменам, стремится всей душой на ближайшие станции в лес, в вечной погоне за всевозможными видами гадов, а школа у него всегда была и есть на заднем плане.

У него очень плохие оценки в школе, главным образом по математике, и меня удивляет, как он, способный часами лежать в лесу и наблюдать этих отвратительных, на мой взгляд, гадов, не имеет терпения преодолеть эту несложную математику VII класса. Все годы у него идут отлично два предмета: природоведение и география, по остальным предметам посредственно и очень плохо.

Только благодаря моим бесконечным усилиям, мне удалось его до сих пор удержать в стенах школы, так как он постоянно порывался и порывается ее вовсе оставить, он ее ненавидит и считает, что она ему только мешает в его работе над ящерицами.

Сколько я и педагоги школы не убеждали его, что без общего образования он замерзнет на одной точке и, если это его увлечение в изучении этих гадов есть, действительно, его призвание в жизни, то он тем более должен стремиться к общему образованию, так как нельзя мечтать быть биологом, не закончившим высшего образования, не говоря уже о среднем, которое необходимо в первую очередь; он не поддается никаким нашим убеждениям и говорит, что и без школы, которая отнимает у него дорогое время, он добьется окольными путями того, к чему стремится. Он еще мальчик, до сознания которого никак не доходит, что школу необходимо закончить – позже он поймет и пожалеет, но будет уже поздно, так как всему свое время.

Многие частично обвиняют и меня в его плохом ученье, так как я, мол, не только не пресекла в корне его влечения, а, наоборот, всячески помогала и способствовала развитию в нем этого влечения, и потому он весь окунулся в этих гадов. Это не совсем так.

Правда, я с раннего детства заметила в Ильюше любовь к природе и интерес, проявляемый им к разрешению тайн ее. Этот интерес в дальнейшем, с возрастом, не только не ослабел, а все больше прогрессировал в нем. Его целеустремленность, серьезное отношение к своей самостоятельной исследовательской работе, которую он начал с 12-ти лет, говорит о его глубоком увлечении вопросами биологии.

Я не могла пресечь этого его влечения и, когда ему было 12 лет, дала ему возможность держать в комнате, в специально устроенном им самим террарии, всех его гадов, так как ничего предосудительного не видела в этом его увлечении. Последние 2 года мое участие выражается в печатании, иногда на машинке под его диктовку, его материалов. Я это делаю для того лишь, чтобы создать между мной и им общий язык, чтобы, приблизив себя до уровня его понимания в его любимой области, я смогла бы пользоваться у него авторитетом и этим путем добиться у него желания учиться и не бросать школу. По этой же причине я несколько лет терпела в единственной комнате этих ящериц, ужей, медянок, жаб, лягушек, черепах и т.д., которые вызывали во мне только чувство глубокого отвращения (по-видимому, эту страсть к естественным наукам Ильюша унаследовал не от меня).

Не знаю, можно ли мне ставить в вину его плохую учебу в школе тем, что я живу его жизнью – его интересами. Я интуитивно чувствую что, если бы я и не разрешала держать этих гадов, он не охладел бы к своему любимому занятию – наблюдению над их жизнью, так как влечение к такой работе заложено в нем самой природой, и мое противодействие привело бы лишь к его злобе ко мне.

Ильюша с 10-ти лет предоставлен почти сам себе: отец его умер 5 лет назад, а я – мать его, целые дни с тех пор на работе, работаю почти всегда по две смены (машинисткой), так как нужно содержать себя и Ильюшу. И вот, опасаясь, что в мое отсутствие, в условиях его постоянного одиночества, он сможет подпасть под плохое влияние, я не мешала ему в его занятиях над гадами; они были для меня до некоторой степени якорем спасения, так как ограждали Ильюшу от плохого влияния улицы.

Теперь перейду к цели моего письма.

В этом году школа, желая пойти Ильюше навстречу в его работе над рептилиями в том отношении, чтобы он весну и лето был свободен и мог заниматься своей работой, предложила освободить его весной от экзаменов и перевести в VIII-й класс при условии: исправить в III и IV четвертях свои плохие оценки (хотя бы на «посредственно») по отстающим предметам. На этом и порешили, и Ильюша даже выдал письменное обязательство завпеду школы, что подтянется по всем предметам. Но я не верю в него – слишком у него голова забита ящерицами и данное им завпеду обязательство, зная Ильюшу, ни к чему его не обязало – он продолжает по-прежнему безразлично относиться к своим обязанностям по отношению к школе. Необходимо, чтобы он до конца учебного года взялся усиленно за учебу в школе, чтобы весной перейти, наконец, в VIII-й класс.

В Вашем первом письме к Ильюше Вы очень кстати написали ему (как будто предчувствовали его плохое ученье), что, вероятно, к учебе своей в школе он относится так же серьезно, как и к своей работе над рептилиями. Эта Ваша фраза, мне кажется, заставила его призадуматься.

В настоящий момент, когда он переживает эту двойственность: оставить школу или выполнить данное им завпеду школы обязательство, было бы очень кстати для него получить от Вас, человека, с авторитетом которого он считается, письмо, в котором пол страницы было бы уделено школе и тому значению, которое она имеет именно для него – будущего биолога, каким он мечтает быть. Без образования ему будут отрезаны все пути к биологии, так как он будет никем не признанный недоучка.

Я сильно рассчитываю на ваше письмо к Ильюше, прошу Вас, напишите ему.

Убедительная просьба к вам: в своем письме к Ильюше не упоминайте, что я писала Вам о нем, – это вызовет лишь бурю негодования против меня, т.к. он опасается, что Вы, узнав о его неуспехах в школе, откажете ему в своем руководстве его работой над рептилиями, что для него очень дорого. Пусть он думает, что сведения о его плохой учебе в школе дошли до Вас случайно, от другого источника, но только не от меня.

Еще раз прошу, простите за беспокойство, причиненное моим письмом и необходимостью написать Ильюше.

P.S. Если Вы имеете что-либо ответить лично мне по поводу моего письма, то прошу Вас ответ прислать по адресу моей службы, так как по домашнему адресу письмо ваше может (в мое отсутствие) попасть Ильюше, что нежелательно. Меня интересует, получено ли это письмо вами.

АДРЕС СЛУЖБЫ: Киев, ул. Кирова д., № 25
Машинистке С.И. Даревской»

[30]**Терентьев П.В. и Чернов С.А. 1940.** Краткий определитель пресмыкающихся и земноводных СССР. Второе переработанное и расширенное издание. ГУИП Наркомпроса РСФСР, Ленинград, 184 с.

[31]Малярийные комары, или анофелесы (*Anopheles*) – род двукрылых насекомых, многие виды которого являются переносчиками паразитов человека – малярийных плазмодиев.

[32]Согласно современным таксономическим представлениям, вид имеет название – палласов полоз, *Elaphe sauromates* (Pallas, 1814).

[33]Александр Михайлович Никольский (1858–1942) – биолог, путешественник, педагог, популяризатор науки, герпетолог, профессор Харьковского университета, академик Академии наук Украины. Ученик М.Н. Богданова, учитель С.А. Чернова. В 1991 г. учреждено Герпетологическое общество имени А.М. Никольского, первым президентом которого был избран Илья Сергеевич Даревский.

Лит.: **Мазурмович Б.Н. 1983.** Александр Михайлович Никольский (1858 – 1942). Наука, Москва, 78 с.

[34]А.М. Никольский умер 8 декабря 1942 г.

[35]С 1924 по 1991 гг. – название г. Екатеринбург.

[36]В архиве отделении герпетологии ЗИН хранятся ксерокопии медицинских справок на имя И.С. Даревского: о ранении 24 февраля 1944 г. осколком в правую кисть и левое бедро и о его пребывании в эвакуационном госпитале с 6 марта 1944 г. по 11 апреля 1944 г.; о ранении «В боях за Советскую Родину» (Эвакуационный госпиталь № 1318, 11 мая 1944 г.).

[37]В период фашисткой блокады Ленинграда Зоологический институт АН СССР был эвакуирован в г. Сталинабад (с 1929 по 1961 гг. – название г. Душанбе, Таджикистан).

Лит.: **Слепкова Н.В. 2014.** Блокадная судьба зоологического собрания. В кн.: Музейный фронт Великой Отечественной. Гелиос АРВ, Москва: 498–506.

[38]До 1946 г. – прежнее название г. Калининград.

[39]Виктор Веницианович Черномордиков (1917–?) – террариумист, герпетолог, биолог-экспериментатор. С 1940 по 1951 гг. работал в террариуме Московского зоопарка.

Лит.: **Дунаев Е.А. и Россолимо О.Л. 2003.** Виктор Венецианович Черномордиков (1917–?). В кн.: О.Л. Россолимо и Е.А. Дунаев (Ред.). Московские герпетологи. Издательство КМК, Москва: 445–449.

[40]Лев Исаакович Хозацкий (1913–1992) – зоолог-эволюционист, герпетолог и палеонтолог. Доцент кафедры зоологии позвоночных Ленинградского государственного университета. После окончания Великой Отечественной войны в 1945–1948 гг. был докторантом отделения герпетологии ЗИН АН СССР. К его ученикам с гордостью относит себя старшее поколение герпетологов Санкт-Петербурга.

Лит.: **Боркин Л.Я. 2013.** Лев Исаакович Хозацкий (1913 – 1992) как зоолог-герпетолог и палеонтолог. *Труды Зоологического института РАН*, **317**(4): 356–371.

[41]Гаяне Христофоровна Шапошникова (1908–1979) – ихтиолог, научный сотрудник ЗИН, дочь основателя Кавказского заповедника Хачатура (Христофора) Георгиевича Шапошникова (1868–1938), сестра научного сотрудника ЗИН, энтомолога Георгия Христофоровича Шапошникова (1915–1997).

[42]Павел Викторович Терентьев (1903–1970) – биолог, герпетолог. В 1922 г. окончил Московский университет. С 1934 г. работал в Ленинградском государственном университете (в 1954–1965 гг. – заведующий кафедрой зоологии позвоночных)

и одновременно в Зоологическом институте АН СССР. В его честь Даревский описал подвид скальной ящерицы *Lacerta saxicola terentjevi* Darevsky, 1957.

Лит.: **Боркин Л.Я. 2003.** Павел Викторович Терентьев (1903–1970). В кн.: О.Л. Россолимо и Е.А. Дунаев (Ред.). Московские герпетологи. КМК, Москва: 384–422; **Ananjeva N.B. 2005.** History and Anniversary Dates of Russian Herpetology in St. Petersburg. Herpetologia Petropolitana. Herpetologia Petropolitana. In: Proceeding 12th Ordinary general meeting Societas Europaea Herpetologica, 12–16 August 2003, St. Petersburg, Russia, St. Petersburg: 5–10.

[43]Владимир Александрович Неговский (1909–2003) – патофизиолог, создатель реаниматологии, родоначальник школы отечественных реаниматологов, создатель Научно-исследовательского института общей реаниматологии.

Лит.: **Золотокрылина Е.С., Кассиль В.Л., Алексеева Г.В., Болякина Г.К., Ивлева В.В. и Каменская В.Н. 2004.** В.А. Неговский – основоположник современной реаниматологии (к 95-летию со дня рождения). *Клиническая анестезиология и реаниматология*, **1**(2): 94–101.

[44]*Rana temporaria* Linnaeus, 1758

[45]*Rana arvalis* Nilsson, 1842

[46]*Pelophylax lessonae* (Camerano, 1882)

[47]Сергей Иванович Огнёв (1886–1951) – биолог, зоолог, глава московской школы териологии, профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ.

Лит.: **Флинт В.Е. 2001.** Огнёв Сергей Иванович (1886–1951). В кн.: О.Л. Россолимо (Ред.). Московские териологи. КМК, Москва: 460–474.

[48]Владимир Георгиевич Гептнер (1901–1975) – зоолог, один из крупнейших териологов СССР, профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ и заведующий Отделом млекопитающих Зоологического музея МГУ. Ученик Г.А. Кожевникова и С.И. Огнёва.

Лит.: **Гептнер М.В. 2001.** Владимир Георгиевич Гептнер (1901–1975). В кн.: О.Л. Россолимо (Ред.). Московские териологи. КМК, Москва: 92–128.

Под руководством Гептнера в 1950 г. на Звенигородской биостанции МГУ студенты И.С. Даревский и Н.Н. Ротт проводили исследования биологии обыкновенного и гребенчатого тритонов, результаты которых были опубликованы спустя 46 лет в 1996 г.

Лит.: **Гаранин В.И. 1996.** Предисловие к статье И.С. Даревского и Н.Н. Ротт. В кн: Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии. Сборник научных трудов, Вып. 2: 19–21.

[49]Александр Николаевич Формозов (1899–1973) – биогеограф, эколог, зоолог и художник-анималист, профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ. Ученик Б.М. Житкова.

Лит.: **Насимович А.А. 2001.** Александр Николаевич Формозов (1899–1973). В кн.: О.Л. Россолимо (Ред.). Московские териологи. Москва: 685–703.

[50]Борис Степанович Матвеев (1889–1973) – зоолог, специалист в области морфологии животных, профессор МГУ. Ученик и сотрудник А.Н. Северцова. В с 1931 по 1951 гг. – заведующий кафедрой зоологии и сравнительной анатомии позвоночных МГУ.

Лит.: **Михайлов К.Г. 2002.** Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). КМК, Москва, 59 с.

[51]Георгий Петрович Дементьев (1898–1969) – зоолог, орнитолог, эколог, профессор МГУ. С 1931 по 1947 гг. – заведующий отделом орнитологии Зоологического музея МГУ, а с 1956 г. – заведующий орнитологической лабораторией МГУ.

Лит.: **Ильичёв В.Д. 1977.** Георгий Петрович Дементьев (1898–1969). Издательство МГУ, Москва, 62 с.

[52]Николай Владимирович Шибанов (1903–1960) – зоолог-герпетолог, заведующий отделом герпетологии Зоологического музея МГУ. Собранные им во время многочисленных экспедиций материалы легли в основу его кандидатской диссертации (1942) и третьего тома книги «Жизнь животных по А. Брэму» (М.: Учпедгиз, 1939. 892 с.).

Лит.: **Дунаев Е.А., Орлова В.Ф. и Россолимо О.В. 2003.** Николай Владимирович Шибанов (1903 – 1960). В кн.: О.Л. Россолимо и Е.А. Дунаев (Ред.). Московские герпетологи. КМК, Москва: 467–485.

[53]Владимир Евгеньевич Флинт (1924–2004) – зоолог, орнитолог, специалист в области охраны

природы. Работал в отделе орнитологии Зоологического музея МГУ, Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР.

Лит.: **Kurochkin E., Galushin V. and Lebedeva E. 2006.** Professor Vladimir E. Flint (1924–2004). *Ibis*, **148**: 193–194.

[54]Рюрик Львович Бёме (1927–2000) – зоолог, орнитолог. Сын известного зоолога Льва Борисовича Бёме. Ученик Г.П. Дементьева. Заведовал орнитологической лабораторией МГУ, профессор МГУ.

Лит.: **Бёме И.Р. 2007.** Памяти профессора Р.Л. Бёме: к 80-летию со дня рождения. Предисловие. Орнитологические исследования в зоопарках и питомниках. Межведомственный сборник научных и научно-методических трудов. Вып. 2: 117–112.

[55]Борис Николаевич Вепринцев (1928–1990) – биофизик, орнитолог, занимавшийся коллектированием и инвентаризацией голосов птиц, профессор.

Лит.: **Шноль С.Э. 1993.** Борис Николаевич Вепринцев. *Природа*, **1**: 40–49.

[56]Леонид Петрович Татаринов (1926 – 2011), палеонтолог, эволюционист, академик АН СССР–РАН, директор Палеонтологического института РАН (1975–1992), один из ближайших друзей И.С. Даревского.

Лит.: **Розанов А.Ю., Рожнов С.В., Лопатин А.В., Агаджанян А.К., Алифанов В.Р., Банников А.Ф., Барсков И.С., Вислобокова И.А., Воробьёва Э.И., Голубев В.К., Губин Ю.М., Дзержинский Ф.Я., Дмитриева Е.Л., Ивахненко М.Ф., Карху А.А., Лебедев О.А., Леонова Т.Б., Мащенко Е.Н., Новиков И.В., Новицкая Л.И., Пархаев П.Ю., Пономаренко А.Г., Расницын А.П., Раутиан А.С., Сенников А.Г., Соловьёв А.Н., Суханов В.Б., Сычевская Е.К., Туманова Т.А., Федонкин М.А. и Шишкин М.А. 2012.** Академик Леонид Петрович Татаринов (1926–2011). *Палеонтологический журнал*, **3**: 106–108.

После смерти Ильи Сергеевича от тяжело больного Леонида Петровича на имя Н.Б. Ананьевой было получено письмо, на почтовом штемпеле которого стоит дата – 19.09.2009:

«Дорогая Наталья Борисовна!

Я был бы рад, если бы мои воспоминания, в целом имеющие почти случайный характер, вошли бы в статью в «Природе». Должен предупредить, что после трех инсультов я с трудом научился говорить, но орфографически правильно я без помощи компьютера не могу написать ни слова.

Целесообразность первой вставки может показаться сомнительной, но в описанном в нем эпизоде проявилось гражданское мужество И.С., и потом без этой вставки были бы непонятными причины трудностей с устройством на работу, выпавшим на долю И.С. в первые годы после завершения учебы в МГУ. ЗИН-овскую часть воспоминаний Вы напишите гораздо лучше, чем я.

Начало воспоминаний

На летней практике И.С. как-то шутливо сказал, что гады (амфибии и рептилии) в целом полезны и неплохо было бы организовать при Обществе охраны природы секцию охраны гадов. Поступил донос (!), и декан биофака И.И. Презент превратил шутку в политическое дело («а кого собственно можно принять за гадов?»). Возник вопрос об исключении И.С. из комсомола, после чего могло последовать и исключение пятикурсника И.С. из университета. Дело спасло мужество И.С., выступившего, несмотря на протест Презента, на общефакультетском комсомольском собрании и завоевавшего общую поддержку студенческих масс.

В результате, Даревскому удалось окончить в 1953 г. учебу на биофаке МГУ. Но места для работы в МГУ, не говоря уже об аспирантуре, он так и не получил. Первое время он зарабатывал на жизнь, консультируя научно-популярные фильмы с зоологическими сюжетами на киностудиях в Москве. Но проявившаяся уже в школьные годы тяга к герпетологии не остывала, и И.С. уже в 1954 г. устроился на работу поближе к ящерицам, в Ереванский зоологический институт АН Армении.

В Ереване И.С. сделал замечательное открытие – явление партеногенеза у некоторых кавказских ящериц. Вывод об этом основывался на практически полном отсутствии самцов у этих ящериц.

Своим открытием И.С. поделился со мной и герпетологом МГУ Н.В. Шибановым. Мы с И.С. при каждом его приезде в Москву регулярно посещали Н.В. Шибанова на его квартире. Шибанов слушал И.С. очень внимательно, но с легким скепсисом. Он сообщил нам также, что сходные наблюдения над численностью полов у совсем других ящериц делал также немецкий герпетолог Р. Мертенс. Но установить истину можно только после хромосомного анализа подозреваемых в партеногенезе ящериц.

Дело сдвинулось с мертвой точки после приезда в Ереван академика Б.Л. Астаурова, бывшего в то время директором Института биологии развития АН СССР, известного работами по генетике и онтогенезу шелкопряда, в том числе по искусственному «терминальному» партеногенезу у шелкопряда. И.С. встретился с Астауровым и заинтересовал его своим рассказом о вероятном партеногенезе у этих армянских ящериц. Эти ящерицы

в изобилии встречались на окраине зоопарка. Тогда Астауров предложил при нем отловить штук 15 произвольно им выбранных особей (по первому рассказу И.С в популяции имелись только самки, поэтому и появилось предположение об их партеногенетическом происхождении). С тревогой И.С. выполнял это задание Астаурова; поскольку в популяции изредка попадались самцы, И.С. чувствовал, что поимка даже случайного самца может лишить его доверия академика. Но все обошлось благополучно, Астауров заинтересовался материалом и поручил отобрать материал для его анализа в ИБР. Было подтверждено партеногенетического происхождение ящеричного материала. Зоологи укрепились во мнении, что И.С. совершил серьезное научное открытие, что открыло ему возможность перехода из Еревана в ленинградский ЗИН, где он работал с 1962 г.

Несколько позднее в истории герпетологии нашей страны началась новая эпоха. В немалой степени это обязано растущему научному авторитету И.С., а также тому, что в нашей стране до 1990-х годов отмечался рост числа герпетологов. Общие политические изменения в мире сыграли большую роль в облегчении контактов между учеными. Нельзя не отдать должное и незаурядным личным качествам И.С. – его преданность герпетологии, широкое дружелюбие, контактность. В нашей стране стал выходить на английском языке небольшой по объему, но прекрасно оформленный герпетологический журнал [Russian Journal of Herpetology – прим. Н.А., И.Д.]. *Стали регулярными иностранные командировки наших герпетологов, а также встречи герпетологов на международных конгрессах. Одной из первых иностранных командировок была командировка Даревского в Индонезию для изучения исполинского комодского варана.*

Л.П. Татаринов»

Частично представленная выше информация, касающаяся общения Татаринова, Даревского и Шибанова, была представлена в публикации: **Татаринов Л.П. 2006.** Страницы воспоминаний. *Палеонтологический журнал*, **6**: 7–17.

Важно отметить, что именно доцент Шибанов был руководителем дипломной работы Даревского «Эколого-фаунистический очерк пресмыкающихся Армении» (Дипломная работа. Москва. МГУ. 1953 г. 222 с.).

[57]Александр Петрович Кузякин (1915–1988) – зоолог, териолог, специалист по рукокрылым, профессор и заведующий кафедрой зоологии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Создал оригинальную концепцию скачкообразного видообразования у животных, согласно которой новые виды возникают не путём географической дивергенции, а внутри ареала предкового вида в форме «качественного скачка», подобно, например, образованию полиплоидных видов у растений. Эта теория послужила одним из обоснований псевдонаучных представлений «народного академика» Т.Д. Лысенко.

Лит.: **Даревский И.С. 1997.** История несостоявшейся эволюционной теории. *Природа*, **8**: 121–128; **Мазин Л.Н., Кузякин В.А. и Пантелеев П.А. 2003.** Александр Петрович Кузякин (1915–1988). В кн.: О.Л. Россолимо (Ред.). Московские териологи. КМК, Москва: 322–341.

[58]О взаимоотношениях С.А. Чернова и А.П. Кузякина Даревский опубликовал процитированную выше статью, которой, надо сказать, он очень гордился.

[59]Сергей Сергеевич Туров (1891–1975) – биолог, доктор биологических наук, популяризатор науки, художник-анималист. Профессор кафедры зоологии в Северо-Осетинском педагогическом институте в г. Владикавказ, с 1942 по 1960 гг. – директор Зоологического музея МГУ.

Лит.: **Штильмарк Ф.Р. 2003.** Сергей Сергеевич Туров (1891–1975). В кн.: О.Л. Россолимо (Ред.). Московские териологи. КМК, Москва: 645–655.

[60]Лев Александрович Зенкевич (1889–1970) – океанолог, зоолог и гидробиолог, создатель отечественной биологической океанологии, действительный член АН СССР. С 1930 г. до конца своей жизни возглавлял кафедру зоологии беспозвоночных МГУ.

Лит.: **Богоров В.Г. 1971.** Лев Александрович Зенкевич (1889–1970). *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*, **76**(3): 9–12.

[61]В СССР 1939 – 1941 гг. для увеличения кормовой базы промысловых рыб Каспийского моря из Азовского моря был переселен многощетинковый червь *Hediste diversicolor* (Müller, 1776), который ранее включали в род *Nereis*.

Лит.: **Полянинова А.А. 2007.** Виды-вселенцы в Каспии и их роль в экосистеме моря. Издательство КаспНИРХ, Астрахань, 104 с.

[62]*Phrynocephalus mystaceus* (Pallas, 1776). Сарыкумская популяция ушастой круглоголовки, о которой пишет Даревский, была описана как самостоятельный подвид *Ph. mystaceus dagestanica* (Ananjewa, 1986).

[63]Илья Сергеевич любил поэзию, знал наизусть многие произведения поэтов Золотого и Серебряного веков, к примеру всего «Евгения Онегина».

[64]Сергей Константинович Даль (1904–1982) – зоолог, кавказовед, с 1945 по 1957 гг. работал в Институте зоологии Армянской ССР, где заведовал сектором зоологии позвоночных. В 1957 г. И.С. Даревский стал научным сотрудником этого института, а в 1960 г. занял пост заведующего сектором зоологии позвоночных. Таким образом, Илья Сергеевич стал преемником Сергея Константиновича в Армении. В его честь Даревский описал партеногенетический вид скальной ящерицы *Darevskia dahli* (Darevsky, 1957).

Лит.: **Бабенышев В.П. и Рейтблат А.Г. 1988.** Биолог, краевед Сергей Константинович Даль (1904–1982). *Материалы по изучению Ставропольского края*, **15–16**: 395–404.

[65]**Даль С.К. 1954.** Животный мир Армянской ССР. Т. 1. Позвоночные животные. Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 415 с.

[66]Гадюка Радде, или армянская гадюка, *Montivipera raddei* (Boettger, 1890).

[67]Виктор Амазаспович Амбарцумян (1908–1996) – астрофизик, один из основателей теоретической астрофизики. Академик АН СССР, академик АН Армянской ССР и её президент (1947–1993).

Лит.: **Шахбазян Ю.Л. 2011.** Амбарцумян: Этапы жизни и научные концепции. «Молодая гвардия», Москва, 300 с. (Жизнь замечательных людей, вып. 1249).

[68]В настоящее время круглоголовок с территории Армении относят к отдельному виду: круглоголовка Хорвата, *Phrynocephalus horvathi* Méhely, 1894.

Лит.: **Melnikov D., Melnikova E., Nazarov R. and Rajabizadeh M. 2013.** Taxonomic revision of *Phrynocephalus persicus* De Filippi, 1863 complex with description of a new species from Zagros, Southern Iran. *Current Studies in Herpetology*, **13**(1/2): 34–46.

[69]Валериан Николаевич Ростомбеков (1878–1965) – зоолог, герпетолог, кавказовед, профессор Тбилисского государственного университета, заведующий кафедрой зоологии и паразитологии Тбилисского государственного медицинского института. Работал старшим зоологом-герпетологом в Государственном музее Грузии (бывший Кавказский музей). В его честь Даревский описал партеногенетический вид скальной ящерицы *Darevskia rostombekowi* (Darevsky, 1957).

Лит.: **Даревский И.С. 1968.** Памяти Валериана Николаевича Ростомбекова (1878–1965). В кн.: Я.Х. Туракулов (Ред.). Герпетология Средней Азии. «ФАН» Узбекской ССР, Ташкент: 116–118.

[70]Созданный в 1852 г. Кавказский музей в 1919 г. был переименован в Музей Грузии, которому в 1947 г. присвоили имя Симона Джанашиа; в 2004 г. музей вошел в состав Национального музея Грузии. В мае 2014 г. авторы этого примечания получили возможность посетить музей и провести исследования его герпетологической коллекции, которая (по нашим данным) и сейчас остается одним из лучших зоологических собраний фауны Кавказа.

[71]Феликс Даниелович Даниелян – биолог, герпетолог, заведующий кафедрой зоологии Ереванского государственного университета с 2004 по 2013 гг., профессор. Ученик И.С. Даревского, защитивший под его руководством кандидатскую диссертацию «Эколого-фаунистическое исследование бисексуальных и партеногенетических видов скальных ящериц Армении» (1968).

[72]Михаил Александрович Бакрадзе (1939–1999) – герпетолог, научный сотрудник Государственного музея Грузии им. Симона Джанашиа, ученик И.С. Даревского, защитивший под его руководством кандидатскую диссертацию «Симпатрические популяции партеногенетических и двуполых видов скальных ящериц рода *Lacerta* в пределах Грузии» (1977).

[73]Евгений Никанорович Павловский (1884–1965) – зоолог, паразитолог, генерал-лейтенант медицинской службы, академик Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, с 1942 по 1962 гг. – директор Зоологического института АН СССР.

Лит.: **Прохорова Н.П. 1972.** Академик Е.Н. Павловский. Медицина, Москва, 104 с.

[74]Это – дословная цитата из предисловия к монографии И.С. Даревского «Скальные ящерицы Кавказа» (С. 3, 1967).

[75]Скальные ящерицы были выделены в отдельный род, названный в честь Ильи Сергеевича – *Darevskia* Arribas, 1997.

[76]Лариса Андреевна Куприянова – биолог, герпетолог, старший научный сотрудник ЗИН, защитившая под руководством Даревского кандидатскую диссертацию «Сравнительно-кариотипический анализ некоторых видов ящериц семейств Lacertidae и Scincidae» (1970).

[77]Томас Аззелл (Thomas Uzzell) – американский зоолог, генетик и эволюционист, профессор Йельского университета и университета Дрексел, Академии естественных наук (Филадельфия), видный специалист в области изучения генетических механизмов однополого размножения и молекулярной систематики позвоночных животных. В 1970-х гг. работал с И.С. Даревским в Армении и Грузии над проектом по изучению партеногенеза у скальных ящериц Закавказья.

[78]«Copeia» – научный журнал Американского общества ихтиологов и герпетологов (American Society of Ichthyologists and Herpetologists), издаваемый с 1913 г. Даревский входил в редакционную коллегию издания и был избран Почетным членом этого общества.

[79]Боб Мерфи (Robert J. Murphy) – американский и канадский зоолог, генетик и эволюционист, видный специалист в области молекулярной эволюции и консервационной генетики, учился и работал в Калифорнии, с 1984 г. – профессор и старший куратор отдела естественной истории Королевского музея Торонто. В настоящее время – приглашенный профессор лаборатории молекулярной эволюции и геномного разнообразия Института зоологии (г. Куньмин, Китайская академия наук). В 1992–1994 гг. работал с И.С. Даревским в Армении и Грузии над проектом по молекулярной филогении скальных ящериц.

[80]Орландо Куэллар (Orlando Cuellar) (1934–2004) – американский зоолог и эволюционист, профессор Университета штата Юта в Солт Лэйк Сити, специалист в области изучения генетических механизмов партеногенеза у позвоночных животных. В 1988 г. работал с И.С. Даревским в Зоологическом институте АН СССР и в Армении над проектом по изучению партеногенеза у скальных ящериц.

[81]*Varanus komodoensis* Ouwens, 1912 имеет несколько русских названий: гигантский индонезийский варан, комодский варан, комодосский варан, комодский дракон. По иронии судьбы в начале XXI века у этого вида было обнаружено явление партеногенеза, впервые открытое для наземных позвоночных животных Даревским.

Лит.: **Watts P.C., Buley K.R., Sanderson S., Boardman W., Ciofi C. and Gibson R. 2006.** Parthenogenesis in Komodo Dragons. *Nature*, **444**(7122): 1021–1022.

[82]Евгений Александрович Малеев (1915–1966) – палеонтолог, известный своими исследованиями ископаемой фауны Монголии, прежде всего динозавров. С 1956 по 1962 гг. – заместитель директора Палеонтологического института АН СССР. Именно он в 1962 г. возглавил экспедицию в Индонезию, целью которой было изучение комодских варанов.

Лит.: **Рождественский А.К. 1966.** Евгений Александрович Малеев (1915–1966). *Палеонтологический журнал*, **3**: 148–149.

[83]Семён Григорьевич Сааков – ботаник, специалист по интродукции и селекции декоративных растений. Старший научный сотрудник Ботанического института АН СССР.

[84]Сафар Алиевич Саид-Алиев (1917–?) – герпетолог, научный сотрудник Института зоологии и паразитологии им. Е.Н. Павловского АН Таджикской ССР.

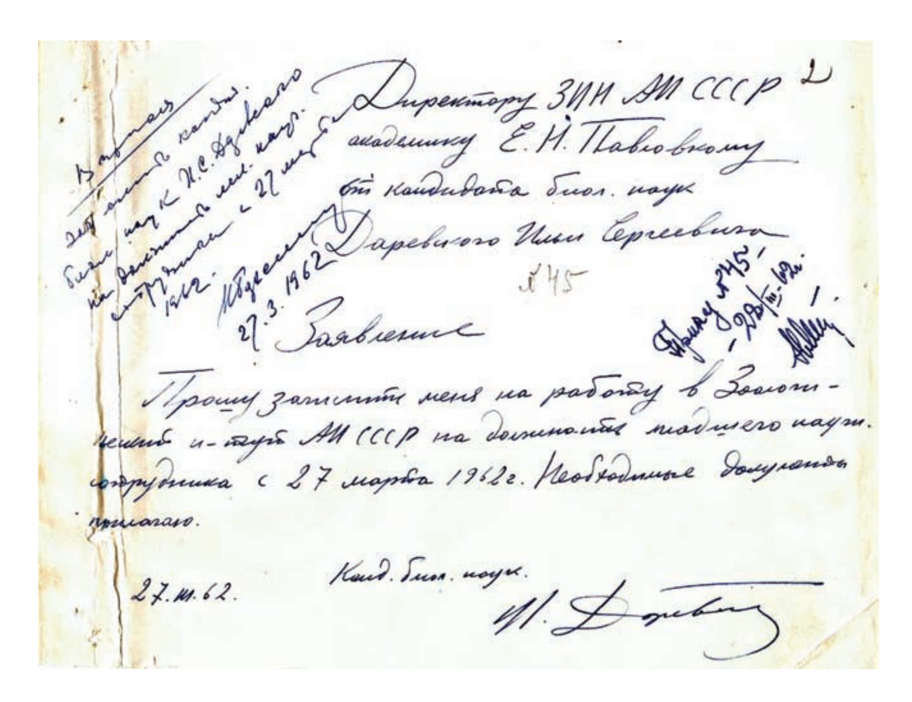
[85]С.А. Чернов умер 2 января 1964 г.

[86]Борис Евсеевич Быховский (1908–1974) – зоолог, паразитолог, академик АН СССР, с 1962 по 1974 гг. – директор Зоологического института АН СССР.

Лит.: **Скарлато О.А. (Ред.). 1982.** Зоологический институт. 150 лет. Наука, Ленинградское отделение, Ленинград, 243 с.

[87]На рис. 6 приводится копия заявления Ильи Сергеевича о зачислении в штат ЗИН из его личного дела. Обращает на себя внимание, что в тексте воспоминаний директором указан Б.Е. Быховский, а заявление было написано на имя директора Е.Н. Павловского.

[88]На рис. 7 приводится копия приказа о зачислении в штат ЗИН Ильи Сергеевича из его личного дела.

Директору ЗИН АН СССР
академику Е.Н. Павловскому
от кандидата биол. наук
Даревского Ильи Сергеевича

№45

Заявление

Прошу зачислить меня на работу в Зоологический ин-тут АН СССР на должность младшего научн. сотрудника с 27 марта 1962г. Необходимые документы прилагаю.

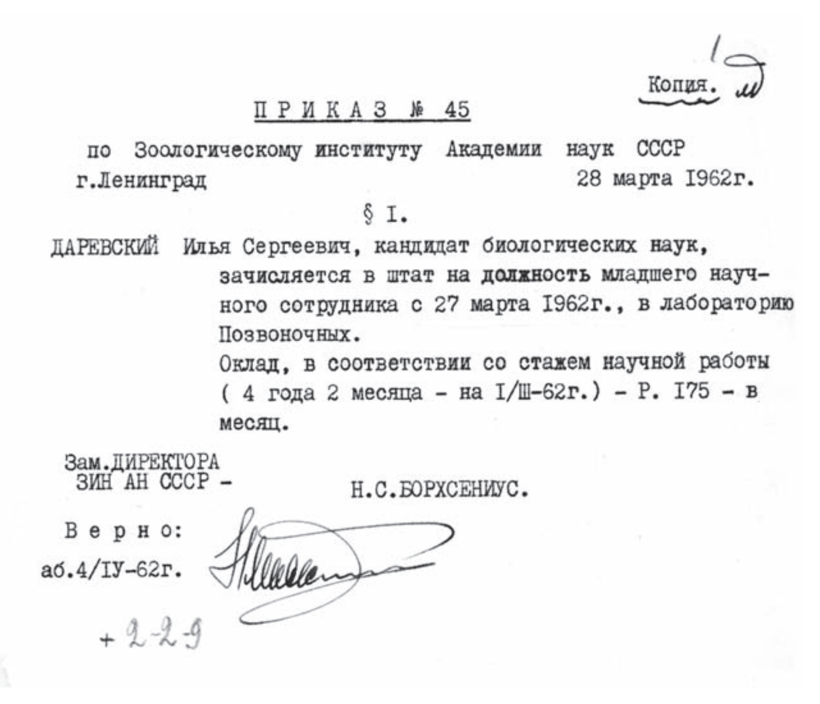
27.III.62. Канд. биол. наук. И. Даревский

В приказ. Зачислить канд. биол. наук И.С. Даревского на должность мл. научн. сотрудника с 27 марта 1962 г.
27.3.1962

Приказ №45 28/III-62

Рис. 6. Копия заявления И.С. Даревского о зачислении в штат Зоологического института Академии наук СССР (из его личного дела в архиве ЗИН РАН).

Fig. 6. A letter of application of I.S. Darevsky to the staff of the Zoological Institute of Academy of Sciences of the USSR (from his personal file in the archive of ZIN RAS).

Копия.

П Р И К А З № 45

по Зоологическому институту Академии наук СССР

г.Ленинград 28 марта I962г.

§ I.

ДАРЕВСКИЙ Илья Сергеевич, кандидат биологических наук, зачисляется в штат на должность младшего научного сотрудника с 27 марта I962г., в лабораторию Позвоночных.

Оклад, в соответствии со стажем научной работы (4 года 2 месяца - на I/Ш-62г.) - Р. I75 - в месяц.

Зам.ДИРЕКТОРА
ЗИН АН СССР - Н.С.БОРХСЕНИУС.

В е р н о:
аб.4/IУ-62г.

+ 2-2-9

Рис. 7. Копия приказа о зачислении И.С. Даревского в штат Зоологического института Академии наук СССР (из его личного дела в архиве ЗИН РАН).

Fig. 7. A copy of employment order of I.S. Darevsky to the staff of the Zoological Institute of Academy of Sciences of the USSR (from his personal file in the archive of ZIN RAS).

[89]Людмила Николаевна Лебединская (1906–1989) – бессменный куратор коллекции и секретарь отделения герпетологии ЗИН с 1942 по 1978 гг. В течение 36 лет работала с четырьмя выдающимися герпетологами СССР: С.А. Черновым, П.В. Терентьевым, Л.И. Хозацким и И.С. Даревским. Она одна из тех, кто в тяжелейших, нечеловеческих условиях во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда сохранил (в том числе вместе с Терентьевым) коллекции Зоологического института.

Лит.: **Ananjeva N.B. 2005.** History and Anniversary Dates of Russian Herpetology in St. Petersburg. Herpetologia Petropolitana. In: Proceeding 12th Ordinary general meeting Societas Europaea Herpetologica, 12–16 August 2003, St. Petersburg, Russia, St. Petersburg: 5–10.

Н.Б. Ананьева и И.В. Доронин
(N.B. Ananjeva and I.V. Doronin)